Назарова Ольга

Маляроштукатуры особого назначения

Абсолютно неправильные люди.
Книга шестнадцатая

Ольга Назарова

Маляроштукатуры особого назначения

https://litres.ru/74359259
SelfPub; 2026

Аннотация

Дмитрий Петровский и Василий Бошинов – коллеги, работают в службе безопасности концерна и постоянно попадают во всевозможные приключения: то начинающую художницу надо защитить от опасности, хотя основную угрозу для жизни представляют её собственные затеи, то гениального айтишника требуется оградить от пустяковых на первый взгляд проблем, то нужно расследовать причину, по которой козёл на конюшне, принадлежащей дому отдыха концерна, постоянно оказывается нетрезвым.

Казалось бы ерунда, но художница реально попала бы в беду, айтишника пытались подставить, а козёл мешал планам злоумышленников.

Впрочем, Петровский и Бошинов и вне рабочей обстановки ухитряются привлечь к себе нестандартные ситуации – у одного проблемы с тёткой жены, которая изо всех сил старается развести любимую племянницу с «мужланом», а у второго имеется парочка младших братьев, которых хлебом не корми, дай только

вляпаться в очередную гениальную бизнес-идею, и их необходимо остановить, да и семьи героев дают жару!

Ольга Назарова
Маляроштукатуры особого назначения

Глава 1. Кузя преткновения

Когда на кухню, где Дмитрий только что пообедал и теперь вдумчиво и с удовольствием пил чай, вошла его жена, он напрягся – лицо у Настасьи было такое, словно он самолично спустил в канализацию всю её косметику, залил это духами и отполировал кремами, пенками и прочей особо ценной дребеденью.

– Дима! – голос супруги соответствовал лицу.

– Я ничего не сделал! – открестился Дмитрий разом от всего.

– Ты? Ты как раз и сделал! Это же ты Маринке разрешил принести Сашиного питомца?

– Эээ, да, что-то такое было, – признался Дмитрий. – Она говорила, что это только на неделю, пока они в деревню на майские съездят. Настюш, я же спросил – это не собака и не кошка… Маринка сказала, что это Кузя и он маленький, в контейнере живёт. Хомяк или мышка… Ты же мышей не боишься!

– Хомяк или мышка… – с горечью повторила Настасья. – Ах, если бы! Да, ты прав, мышей я не боюсь, но Кузю боюсь

до визга!

– Да что там за Кузя-то? – хмыкнул Петровский, потянувшись за печеньем.

– Мариночка, иди, покажи нашему папе Кузю! – позвала жена, и в кухню деловито протопала Маришка – пятилетняя, очень серьёзная и строгая особа.

– Пап, это Кузя! – она держала в руках небольшой пластиковый контейнер, который вознамерилась было поставить на стол.

Петровский всмотрелся в содержимое контейнера, и печенье, видимо, от шока, встало поперёк его горла:

– Хрррр?! – он потянулся за чашкой с чаем под крик жены:

– Марина, только не на стол!

– Хорошо, мамочка, – ангельским голоском отозвалась Маринка. – А чего это папочка такой красный и как-то странно хрюкает?

– Папочке очень понравился питомец Саши! Да, Дима?

– На кой хрррр, км, кха-кха… – Петровский, получив от супруги вдохновляющий шлепок по спине, наконец-то избавился от застрявшего печенья и ткнул пальцем в контейнер:

– Кто это вообще?

– Дима, ты что, не видишь? Это таракан! Это ЛЮБИМЕЦ друга твоей дочери. Да-да, Дима, и именно ЭТО ты разрешил принести в наш дом на неделю!

– Да это монстр какой-то! – не поверил жене Петровский,

дипломатично избегая воспоминаний о том, что он сам это разрешил.

– Это не монстр, это мадагаскарский шипящий таракан, как мне с наслаждением поведала Сашина мама, вручая этого… Кузю. Я уверена, что она была счастлива – ещё бы! Неделю вдали от такого питомца – кто угодно счастлив будет! А я вот сразу стала очень НЕСЧАСТЛИВА! И даже знаю, кто в этом во всём виноват!

– Эээ, милая, а может мы его… того… тапкой случайно, а? Ну он же таракан!

– Папа! Ты что! – Маринка притопнула ногой и тряхнула контейнер. – Это – любимец Саши! А Саша – мой жених! Мы вырастем, и он на мне женится! А если ты его тапочкой, то Сашка на мне не женится, а женится на Аньке, а я с тобой разговаривать тогда не буду! Никогда!

Петровский, будучи профессионалом, помнил много чего, в том числе и крепенького светловолосого Сашку, который недавно пришёл к нему, когда он забирал дочь из детского сада, и деловито сообщил, что на Маринке женится.

На изумление, возникшее на физиономии собеседника, Сашка среагировал оперативно, пояснив:

– Не сейчас, а попозже!

– Ааа, – с уважением отозвался Петровский. – Попозже… это сильно меняет дело!

«Первый парень на деревне» солидно кивнул вихрастой головой и отправился к своему родителю, которого только

что сходным образом осчастливила дочь Петровского.

Отцы переглянулись, синхронно вздохнули и пожали друг другу руки над головами будущей счастливой пары.

– Ну и кто мог себе представить, что у такого вменяемого на вид мужика в домашних питомцах окажется этот… шипящий Кузя? – думал Петровский.

– Дима! Ты не замирай! – строго велела ему Настасья. – Ты мне лучше скажи, как тебе пришло в голову кого-то брать, не узнав точно, КТО это?

– Не знаю! – честно признался Петровский, почему-то сильно разозлив этим жену.

– Вот и я не знаю, как мне жить неделю с этим в одном доме! – выпалила она. – А раз так… я с Маринкой уезжаю к маме, а ты останешься присматривать за Кузей!

– Папа, если ты его пристукнешь тапочкой, то я с тобой поссорюсь! – Маринка обеими руками обняла вместилище Кузи и крепко прижала его к себе. – Саша меня не простит!

Через два часа Петровский сидел на кухне и мрачно смотрел на контейнер, в котором шуршал таракан преткновения.

– Таракан, которого мне подсуропил будущий зять! – меланхолично произнёс он. – Я проклят! Я точно проклят!

Его фраза о проклятии была выстрадана – это же именно на его многострадальную голову как из рога изобилия высыпались всевозможные странные задания руководства – от кормления вороны, чтобы она не орала и не выдавала их с напарником местоположение, до вручения воздушного ша-

рика на свадьбе коллеги.

– Дмитрий, ты так дивно смотрелся с шариком! Просто удивительно органично! – с самым серьёзным видом заверял Петровского его начальник, не обращая внимания на мрачнейшее выражение физиономии подчинённого.

А всё остальное? Петровскому было исключительно интересно, это он случайно так попадается, или во всех этих нелепостях есть какой-то смысл? Нет, если бы это касалось только рабочих ситуаций, то можно было бы решить, что это всё его руководство изгаляется, но ведь в жизни-то ему тоже всё чаще попадались такие странные моменты, в которые большинство людей никогда не попадали и не попадут.

– Вот, например, этот таракан! – невесело пробурчал Дмитрий, когда за разгневанной Настасьей и Маришкой закрылась входная дверь. – Эх… жизнь моя жестянка! Да ну её в… болото!

Впрочем, уже к вечеру Петровский утешился – таракан преткновения, из-за которого все планы на майские выходные пошли прахом, ничем не мешал, сидел себе в своём контейнере, шевелил усами и, кажется, вообще не переживал о перемене местожительства, зато выяснилось, что сам Дмитрий избежал серьёзной опасности:

– Дима, представляешь, к маме приехала тётя Мила, – сообщила Петровскому жена, уже сменившая гнев на милость. – Она хотела проведать нас и очень обрадовалась, что мы с Маришкой тут, а то она хотела к нам домой ехать!

Вот тут-то вечернее небо за окном воссияло для Димы чем-то радостным, утренним, радостным и исключительно оптимистичным.

– Да-ты-что… – как можно более нейтральным тоном отозвался Петровский. – Как мне не повезло – я не увижу твою тётю Милу!

Настасья, которая прекрасно знала о «нежных» отношениях собственной тётки и мужа, тихонько хихикнула:

– Ладно-ладно, отдыхай уже! Главное, не прибей этого питомца Маришкиного жениха, а ещё смотри, чтобы он не сбежал! Я этого не переживу!

Петровский покосился на контейнер, согласно поугукал, а потом, закончив разговор, сообразил, что вообще-то даже тараканы что-то едят и даже пьют.

– Если дочка получит в контейнере… гм… останки Кузи, то жизнь у меня будет трудной и тяжёлой – дочка же реветь будет! – плач Маришки Петровский не выносил – сразу хотелось сломать мир и переделать его как-то так, чтобы его драгоценный ребёнок не лил слёзы.

Так как Дмитрий понятия не имел, что жрут мадагаскарские шипящие тараканы, пришлось лезть в интернет и с величайшим изумлением читать, что, оказывается, их реально ЗАВОДЯТ, да мало того, даже признаются в этом, и фотографируют это вот безобразие, да ещё и видео снимают!

– Чего только у нас люди не делают, – флегматично вздохнул Петровский, когда вспомнил некоторые странности, с

которыми сталкивался по работе. – Ладно… кормить овощами и фруктами, ещё жрут хлеб, поить губкой, а то или утонут в миске, или вода оттуда испарится, и они помрут от сухости, а ещё не перегревать и не допускать переохлаждения. Ёлки-палки, ещё бегать вокруг и уточнять, а не жарко ли Кузе, а не холодно, а не сухо ли? А может, всё-таки лучше этого мадагаскарца того… А! И убежище ему надо! За-ши-бись!

Петровский мрачно уставился на Кузю, тот весьма заинтересованно воззрился на человека – по крайней мере, усами водил точно в направлении угрожающего объекта.

– Кто бы знал, какой фигнёй мне придётся заниматься! – думал Дмитрий, брезгливо открыв крышку контейнера и закинув туда кусок моркови, кусочек подсохшего хлеба и отрезанный уголок от губки для мытья посуды, пропитанный водой. – Так, ещё убежище ему надо, чтобы я его реже видел и он на меня не пялился!

Роль убежища расчудесно сыграла втулка от туалетной бумаги, закинутая вместе со всем прочим в контейнер.

Петровский ответственно подошёл к закрыванию крышки Кузиного жилища, проверив её защёлки раза три – чисто на всякий случай, а потом пошёл заслуженно отдыхать.

– А что? Я это заслужил! Более того, даже тётка Настасьина меня миновала! Правда, на бреющем полёте, но миновала! – Петровский вольготно расположился на диване, перед которым загодя выставил блюдо с вяленой рыбой, присланной знакомым из Астрахани, и пиво.

– Отдых! – провозгласил он, включая телевизор.

– Бред какой! – выдал Дмитрий через сорок минут, перещёлкав кучу каналов. – Даже футбола приличного нет! Чего-то я так заработался, что аж забыл, какую фигню там показывают. Так, ладно, что бы этакого посмотреть из фильмов?

Он прищурился, соображая, что ему хочется, как вдруг какое-то движение на пороге комнаты привлекло его внимание.

– Ыыээть! – выдал он.

Прекрасное зрение не позволяло ошибиться – на пороге комнаты ему приветственно помахивал усами Кузя.

– Гррр… – отреагировал Дмитрий. – Да чтоб тебя! И что делать?

Профессиональная память – великое дело даже при ловле тараканов! Каким образом Петровский краем глаза узрел и запомнил, что эти паразиты любят пиво, потому что их там привлекают какие-то вещества, непонятно – он точно-преточно не собирался угощать навязанного ему Кузю этим напитком.

Но факт остаётся фактом – информация в голове имелась, пиво под рукой было, а остальное оказалось делом техники – капнуть пару капель в крышку от бутылки, осторожно опустить крышку на пол, вытряхнуть из круглой стеклянной вазочки, напоминающей крохотный аквариум, какую-то композицию, сооружённую Настасьей, а потом замереть охотни-

ком в засаде.

Через семь с половиной минут осторожных перемещений и принюхиваний с одной стороны и нарастающего азарта с другой, Кузя припал к «тазику» с пивом и увлёкся им настолько, что даже как-то не смутился опустившемуся на «пивной бар» прозрачному куполу.

Довольный как слон Петровский подсунул тонкую картонку под «аквариум» и поволок пойманного и, кажется, очень довольного мадагаскарца к контейнеру.

– Непонятно, как сбежал-то? Всё закрыто! – удивился Дмитрий, открывая контейнер и вытряхивая Кузю на место.

Какое чутьё заставило его зайти за дверной косяк, а потом заглянуть назад в комнату, точно неизвестно, но он был полностью вознаграждён, узрев, как Кузя забирается на втулку от бумаги, неожиданно шустро зацепляется лапами за крышку контейнера, подтягивает упитанную тушку и…

– Плющится, гад! – взвыл Петровский, одним прыжком подскакивая к контейнеру и стряхивая предприимчивого насекомуса назад. – Чёёё? И он на меня ещё шипит? Да это я на тебя имею право выражаться! Ты…

Тут он малость опомнился и сообразил, что стоит-то он в собственной квартире, один-одинёшенек и… ругается с мадагаскарским шипящим тараканом, которого только что собственноручно напоил пивом, а до этого накормил и спать уложил, по крайне мере, всё для этого предоставил!

– И всё-таки это факт! Я проклят! – глубокомысленно со-

общил он Кузе, решительно открывая контейнер и отбирая у него втулку. – Спать будешь на полу! Я тебя в гости не звал, все претензии нашипишь своим хозяевам, когда вернёшься!

Примечание автора: уважаемые читатели, у меня такие не живут, но я видела – они реально громко и отчётливо шипят – отпугивают так неприятелей.

Петровский уже было ушёл, но потом резко обернулся, обнаружив, что предприимчивое создание пытается выбраться, топоча по куску моркови, поэтому он вернулся с тазиком, полным воды, поставил в середину этого таза контейнер и официально предупредил незваного гостя:

– Потонешь – скажу Маринке, что так и было! Ничего, мне этот будущий зять как-то сразу не понравился, так что лично я переживать не буду!

Когда ему через полчаса позвонил его друг и коллега Василий Бошинов и осведомился, «как сам, как семья», развёрнутый ответ Петровского настолько его поразил, что он даже некоторое время молчал, а потом заявил:

– Слушай, а можно я у тебя поживу пару дней? Мне срочно нужны положительные эмоции, потому что к нам приехали гости, а по мне лучше вот то твоё шипящее, чем мои братья!

Глава 2. Всевозможные аргументы

Петровский не удивился – они с Василием дружили уже давно, так что и проблему с его братьями Дима знал, да и самих братцев видел. Видел и недоумевал:

– Каким образом в нормальной семье, с абсолютно нормальным, вменяемым, надёжным Васькой получились двое таких… оболтусов?

Оболтусы были младше Васи на несколько лет и имели странноватые отношения с действительностью:

– Неее, работать за гроши на чужого дяденьку? Да вот ещё! Мы замутим свой бизнес! – решили они ещё в школе.

Решили и… замутили! Да так, что за торговлю всевозможной мелочёвкой их чуть из школы не выперли. Родители были в шоке, Василий тоже недоумевал. Причём как начал он недоумевать в школьные годы братовьёв, так и до сих пор удивлялся:

– Дим, вот откуда что полезло? У нас вроде таких «купи-продай-беги» в родне нет и не было. Нет, я понимаю, хочется им денег, кому не хочется-то? Так заработайте как люди, пусть в той же торговле, но честно, но им же работать не хочется, они хапнуть хотят! Они со школы так развлекаются – хапнули и огребли, хапнули и огребли, хапнули и… чуть отгребли.

Петровский в эти моменты только и мог, что молча сочувствовать другу, тем более что неуёмные братцы прилично доставали и родителей, и самого Василия.

– Мать с отцом и так все накопления в этих свинтусов вбухали, кредит взяли… Пришлось им помочь отдавать! – сердился Бошинов, едва-едва закрывший родительский кредит, чтобы отец и мама не остались без жилья из-за того, что

поверили младшим сыновьям.

Всё это произошло незадолго до свадьбы Василия, так что вести молодую жену ему пришлось в квартиру родителей… Правда, Васина Лена со свёкрами неожиданно хорошо поладила, от мужа никаких финансовых сверхподвигов не требовала, а спокойно и уверенно доучилась в институте, родила сына, побыла в декрете, ухитрившись даже в это сумбурное время ни разу не поругаться с родителями мужа, а потом вышла на работу.

Единственными людьми, почти мгновенно и напрочь выводившими из себя Елену Бошинову, были оба её деверя – Владимир и Виктор.

Она прекрасно понимала, из-за кого у них с Василием отдельная квартира только строится, и эту квартиру, даже с помощью концерна, в котором работает муж, ещё оплачивать и оплачивать!

– Родителей чуть без жилья не оставили, да ещё возмущались, чего это, мол, Вася жену домой привёл, а им папа с мамой велели в Подмосковье, в бабушкину квартирку ехать! Да ещё и в собственность эту квартирку им не переписали! Не-пе-ре-но-шу таких! – злилась Лена.

Правда, в присутствии свёкра и свекрови такие вещи не высказывала – это для неё Володя и Витя – оболтусы, пустомели и вредители, а для Васькиных родителей они родные дети, их так просто из жизни не выкинуть, куда ж свёкрам деваться?

Когда Володька и Витька приезжали навестить родителей, Лена, с молчаливого согласия мужа, забирала сына и ехала к маме в Отрадное или к ней же на дачу – так ей было спокойнее.

– Иначе не выдержу, выскажу прямо в эти наглые рожи всё, что я о них думаю! Так это они ещё не знают, что родители квартиру на Ваську переписали, типа подарили с правом пожизненного проживания. А знали бы, вообще скандал бы устроили! – думала Лена, собирая Бошинова-младшего за город.

Ей, конечно, хотелось бы, чтобы муж на праздники мог отдохнуть с ними, через день ему надо было на работу, так что она разумно не стала супруга дёргать, наоборот, посочувствовала:

– Вась, как ты? Переживёшь этих…

– Буду стараться. Если совсем невмоготу будет, попрошусь к Петровскому, там перекантуюсь.

Лена с Настей Петровской не просто знакома была, а хорошо дружила, так что этот вариант временного размещения на «если что» был вполне-вполне нормален – Петровские у них вообще жили всем составом, когда в их квартире был ремонт.

Бошинов приехал к другу минут через сорок, вид имел сумрачный, так что Дмитрий сразу понял – братья опять чего-то намутили:

– Ты прикинь, эти мои… родственники опять прибыли у

родителей деньги выпрашивать! Они, дескать, нашли потрясающий способ заработать.

– Что? Опять? – хмыкнул Петровский.

– И опять, и снова! «Ниша потрясная! Никто не догадался, одни мы допетрили, но надо срочно сто килограммов денег, чтобы мы взяли рынок за жабры и подняли дикие мильоны!» – с выражением процитировал Бошинов.

– Они хоть намекнули, чем в этот раз собираются «рынок за жабры брать»? – флегматично осведомился Петровский, подвигая к другу блюдо с рыбой.

– Какая-то китайская фигня, – поморщился Бошинов. – Из серии «автоматической вязалки шнурков».

– Ааа, ну тут они правы – эта ниша свободна! – серьёзно покивал Петровский, прислушиваясь – ему померещился отдалённый шлепок, словно что-то небольшое упало в воду. – Как он мне надоел-то, ты бы знал! А всё из-за твоего Мишки! – вздохнул он и поспешил в соседнюю комнату – вылавливать тонущего Кузю.

– Ёлки-палки… – отреагировал приятель, узрев спасательные мероприятия. – И ТАКОЕ заводят? Погоди… а при чём тут Мишка?

– Ну как же! – Петровский с досадой раскрошил кусок моркови в контейнере на несколько небольших, чтобы неутомимое насекомое не смогло использовать их как лестницу на свободу, и сгрузил обратно беглеца. – Если бы он с Маринкой не поссорился, она бы не подсуропила мне это-

го… будущего зятя с тараканом!

– Н-да… маленькие детки – маленькие бедки, – вздохнул Бошинов.

– И не говори… Ты хоть знаешь, из-за чего они поругались?

– Поспорили, что лучше, кошка или собака, – развёл руками Василий. – Аргументы были всевозможные и разнообразные – от слов до невербального общения…

– Тогда это надолго! – с видом знатока отозвался его напарник. – Это из-за этого Маринка побила Мишку?

– Побила – сильно сказано… так, просто замещала слова действиями, – дипломатично ответил Бошинов. – Слова-то не всегда находятся!

– Да лучше бы она этого… зятя стукнула слегка! – Петровский мрачно уставился на Кузю, который явно шпионил за ними из своего контейнера. – Всё больше пользы было бы!

В принципе, все трое провели время совсем недурно – спокойно и с удовольствием. Петровский с Бошиновым отдохнули, Кузя слопал всю морковку и хлеб, так что жаловаться им было не на что, но вот об окружающих этого сказать было нельзя…

– Настасья! Как ты можешь терпеть этого невыносимого мужлана! – жужжала на ухо жене Петровского её неутомимая тётка Мила.

– Мила, что ты такое говоришь? – слабо пыталась протестовать Настина мать, которая замужем, в отличие от сест-

рицы, была, мужа любила, и вовсе не считала, что в мужчинах сконцентрирована вся гадость этого мира.

Только вот моральные весовые категории у них были разные – Мила всю свою нерастраченную на семью и детей энергию щедро расходовала на то, чтобы бороться за счастье окружающих женщин!

Например, она изо всех сил боролась с мужем сестры и точно-точно победила бы, но он, негодяй такой, дезертировал – взял и умер! Ещё она боролась с мужьями своих знакомых, пока все знакомые не закончились. Нет-нет, с ними-то как раз было всё в порядке, просто глупые и слабые женщины от чего-то прекращали общение, а кое-кто и вовсе подло обвинял Милу в том, что она пытается разрушить их брак!

– Дуры! – ярилась Мила. – Не понимают, что с этими паразитами, которые выпивают у них все силы, счастья у них никогда не будет!

Объектов становилось всё меньше и меньше, а сил и желания их к чему-то приложить было ого-го как много! А это значило одно – пора было опять спасать племянницу от её негодяя-мужа!

Почему негодяя? Да всё же понятно с первого взгляда!

– Настенька, лапочка моя! Да ты только посмотри на него! Он же тебе изменяет постоянно! Он врёт тебе, глядя прямо в глаза! Вот, например, помнишь, когда он зимой уехал на столько времени?

– Помню, и что? – мрачно отвечала Настасья.

– Он ни на Новый год не приехал, ни на день рождения твоей мамы, ни когда Марина простыла, ни когда…

– Тёть, хватит! Дима работает!

– Настя, да что же ты такая глупенькая-то у меня! Как же, работает он! Да разве мужик будет сматываться из дома так надолго, если он не вахтами трудится? И то, знаю я, как они там трудятся! Поназаводили себе вторые семьи и живут, в ус не дуют! Вот и твой, не будь дураком, давно завёл себе другую, а то и не одну!

Примечание автора: Дмитрий зимой действительно работал это описано в книге «Снежный дом со свечой на окне».

– Тётя! Что за ерунду ты говоришь! – злилась Настя.

– Глупая ты моя девочка! – снисходительно вздохнула Мила. – Да он же тебя постоянно обманывает! Все эти отлучки… вызовы ночью.

– Он работает в службе безопасности концерна Мироновых! – прорычала Настасья, которая сегодня особенно жалела о том, что её мама не единственный ребёнок у своих родителей.

– Может, и работает, хотя я не удивлюсь, что и это враньё, – снисходительно покачала головой Мила, словно общалась с сердитым малышом, топающим ножкой из-за того, что ему не дали конфету. – Но согласись, что ему мешает попросту изображать эти вызовы, чтобы ездить к любовнице?

– Тётя! Я больше не буду слушать ваши бредни! – окончательно разозлилась Настасья и, прихватив дочку, отправи-

лась гулять в лес – просто сил не было слушать эту ерунду!

– Эх, глупенькая девочка… – вздохнула Мила, горько сожалея об упущенной в прошлом возможности вырвать племянницу из уз этого неудачного брака – она уже почти совсем добилась того, чтобы Настя заподозрила правду о своём муженьке, а он, как назло, загремел в больницу с какой-то там дурацкой травмой.

Здравомыслия Милы хватало на то, чтобы понимать, что вряд ли гад-Петровский специально в себя стрелял, чтобы разрушить её планы, но сожалеть-то об этом ей ничего не мешало, верно?

Вот так, с сожалениями и тряпкой для вытирания пыли, Мила и перемещалась по даче сестры. Пыли особо не было, но энергию куда-то девать было необходимо – не лопнуть же от невозможности действовать!

Нет, конечно, она не полезла бы в сумку племянницы специально – просто в голову не пришло. Но Настасья, уходя, задела сумочный ремешок, свисающий как ухо бассета, и сумка чуть сдвинулась к краю, а так как она была сделана из мягкой кожи, то медленно, но верно начала свешиваться всё дальше и дальше с дивана, пока не упала.

Брякнувшая об пол связка ключей привлекла внимание Милы, которая просто изнемогала от невозможности раз и навсегда доказать глупышке-племяннице, с каким негодяем она связалась!

– Ключи выпали, – отметила Мила, но уже через секунду

прищурилась с хищным блеском в глазах:

– Клююючиии…

Связка моментально перекочевала к ней в карман, сумка вернулась на место, а Мила, у которой сразу и резко улучшилось настроение, стала разрабатывать планы по спасению неразумной Настасьи.

– Так что, сегодня твой Дима один дома, да? – с удивительно миролюбивым настроением уточнила она у племянницы.

– Да, я же вам рассказывала. Из-за…

– Я помню, помню… из-за какой-то ерунды типа таракана! – Мила только вздохнула про себя – ну ясно же, что этот подлец и негодяй всё просчитал и специально разрешил дочке принести домой какую-то насекомую мерзость.

– А раз так, то он точно кого-то привёл! Причём домой! Если бы ему надо было смотаться, то он бы не устраивал такие сложности – соврал бы глупой жене о том, что у него опять работа, задание… или что он там брешет обычно? И свалил бы!

С точки зрения Милы, логика была непогрешима, а вывод абсолютно верен – Настькин муж сейчас собирается развлекаться с какой-то посторонней бабой, обманывая жену!

– Я ему устрою! Я его выведу на чистую воду! Я заставлю её понять, что на самом-то деле сто́ит её муженёк! – посмеивалась Мила, внезапно «вспомнив» о том, что, кажется, не закрыла окно дома, и спешно собираясь в Москву.

***

Хитрые и далекоидущие планы были не только у Милы, но и у братьев Бошинова.

– На этот раз всё должно выстрелить! – мечтательно рассуждал Владимир.

– Да точно получится! Смотри, как удачно вышло – даже эта зараза-Ленка свалила к своей мамашке и Васька уехал куда-то! Я прям чую, что в этот раз мы сможем вложиться и поднять приличные деньги! – мечтал Виктор.

– Так что? Действуем по плану? Разделяем и властвуем? – хохотнул Володя.

– Точно! Давай, ты – к матери, а я – к отцу! Ну... пошли!

Глава 3. Гении и деньги

Лидия Бошинова младших сыновей любила, но никаких иллюзий на их счёт уже не имела – какие уж тут иллюзии, когда эти два супер-пупер-бизнесмена едва-едва не лишили их квартиры!

– Счастье-то какое, что Вася смог помочь! – думала она каждый раз, когда вспоминала ту ситуацию. – Нет уж, больше никаких кредитов на «развитие бизнеса»! Хватит! Наразвивались!

Вообще-то она и первый раз сильно сомневалась, решиться ли на тот кредит, тем более что брать-то его пришлось ей – муж официально получал совсем немного.

– Вот и упёрлась бы тогда и не согласилась бы! – ворчала она, до сих пор сердясь на себя за ту дурацкую ситуацию.

Да, близнецы приволокли убедительнейшие расчёты, образцы товара, схемы логистики, чего только они тогда не принесли…

– Лид, надо парням помочь! – первым сдался муж. – Смотри… они же правда за ум взялись. А если это их шанс, а мы их не поддержим?

– А если у них не получится? И мы всего лишимся? – осторожничала Лидия. – Это же так рискованно! Да и потом… они же таким направлением никогда не занимались, а если торговля не пойдёт? А если конкуренты? А если…

– Мама, не будет никаких «а если»! Мы точно всё просчитали, и нас ждёт успех! – близнецы лучились уверенностью и убедительностью.

О том, что было потом, Лидии до сих пор вспоминать не хотелось – начинало колотиться сердце, холодели руки и отчётливо шумело в ушах что-то вроде:

– Ни-ког-да-боль-ше!

Она взвивалась всякий раз, как только её младшенькие заводили какой-то разговор о своих «новых проектах», так резко, что Володя и Витя решили пока этого не делать… до поры до времени.

А тут и пора наступила, и время пришло. Да! То самое, правильное, удачливое время «прухи», которое нельзя упускать, которое надо непременно поймать, успеть и стать крутыми и успешными!

– Не жить так, как Васька, который пашет на чужого дядю

за жалкие гроши, – рассуждали между собой будущие миллионеры.

– А получить сразу и много!

– ОЧЕНЬ много! – мечтали они.

Только вот, увы и ах, для этого «сразу-много-очень-много» требовалась приличная стартовая сумма, которой у них, конечно же, не было.

Взять кредит было невозможно – они пробовали, но не давали глупые и жадные банки кредиты двум фактически не работающим молодым людям без недвижимости и какого-либо существенного обеспечения, а родители им даже ту маленькую и старенькую бабкину квартирку не отдали в собственность!

Нет, можно было бы попытаться взять в одной из стрёмных контор, которые давали деньги под дикие проценты, но с такими связываться было просто опасно, да и какие там миллионы прибыли остались братьям Бошиновым, если всё утекло бы на проценты? Нее, на это умные и ушлые Володя и Витя не подписывались.

Оставалось одно:

– Упросить родаков! Правда, мать подрывается, как только слышит про наш бизнес, но ничего, отец её уговорит, главное, чтобы она с ходу не пресекла все эти разговоры, – решили братья.

Это означало, что им надо разделиться и заняться убеждением отца и одновременно смягчением матери, а потом,

объединившись с родителем, атаковать мать тройными уговорами.

Разделение вышло таким: Витька отправился к матери, Володька – к отцу, и поначалу общение шло по плану, мать смеялась над анекдотами и забавными рассказами, которыми её отвлекал Витя, а отец молча выслушивал аргументы Вовы, но потом, стоило только приступить к главному блюду под названием «Дайтеденег», как отец коротко хохотнул и сердито сказал:

– Вы одичали оба? Вы ж нас, можно сказать, выпотрошили! Едва удалось квартиру сохранить, и то, Вася помог – стряс всё, что накопил на квартиру, да ещё и в концерне ссуду брал!

– Пап, тот случай – не показатель! – очень серьёзно произнёс Володька. – У нас же сейчас всё иначе! Дело-то верное! Мы же точно столько денег поднимем…

– Что сразу их уроните! – фыркнул отец, а потом повысил голос и позвал:

– Лииид! Лидусь! А тут наши гении опять денег просят!

В родительскую комнату на всех парах прибыла мать, волоча за шиворот «отвлекающее звено» – Витькá.

– Так вот это что было? Ты мне, значит, зубы заговаривал, пока Володька отца обрабатывает? У вас что? Совсем совести нет? Забыли прошлый раз?

– Мам, да сейчас же всё иначе! – наперебой начали братья. – Вот смотри…

– И смотреть не буду, и слушать вас не собираюсь! Хотите бизнес – без проблем! Идите, зарабатывайте сами свой стартовый капитал…

– Да как? – с досадой сморщились близнецы. – На чужого дядю работать? За какие-то копейки подставляться, как Васька?

– Мы живём тут только благодаря Васе! – вступил отец.

– Да мы для вас три такие квартиры купим, если, в смысле, когда всё выгорит! – наперебой начали заверять родителей братья.

– Ничего не выгорит, и не тратьте время и силы! – устало произнесла Лидия. – У нас с отцом просто нет денег!

– Так можно же кредит взять! – обрадовались братья. – Эта квартира…

– Эта квартира принадлежит Васе! – усмехнулся отец. – У нас с вашей мамой по вашей милости осталась только крохотная бабушкина распашонка, в которой вы сейчас и живёте! Её мы продавать не станем и кредит под неё брать тоже не будем, потому что иначе вам даже прийти и переночевать негде будет!

Всё это он мог уже даже не говорить, всё равно до близнецов его слова не доходили, так они зависли на известии о том, что родительская четырёхкомнатная квартира, оказывается, захапана Васькой!

Какое-то время они переваривали эту информацию, а потом взвились и завопили на два голоса:

– Как так? Почему вы ему отдали? А мы? А как же мы?

– Он что? Всё сцапал себе, а вы ему это позволили?

– Тихаааа! – рявкнул Бошинов-старший, стукнув кулаком по столу. – А ну закрыли рты! Вася выплатил ваш долг по кредиту, только благодаря этому квартира осталась у нас!

– Так зачем вы её ему отдали? – возмутился Виктор, переглянувшись с братом.

– Затем, что он её выкупил!

– Так мог бы вам её и оставить! – прошипел Володя.

– А мы решили, что раз он вместо того, чтобы себе к свадьбе жильё покупать, нас спасал, мы ему эту квартиру и подарим! И подарили! Вам понятно? – Лидия очень редко повышала голос так, что на потолке начали позвякивать хрусталики от люстры, но уж когда повышала, то перекричать её в этот момент никому бы и не удалось. – Короче, мои дорогие и любимые деточки! Больше в этом доме никаких, вы слышите? НИКАКИХ разговоров о кредитах, займах или просто деньгах для вашего бизнеса не будет! Это понятно? Я спросила – это ПОНЯТНО?

Против такой атаки братья идти не могли, да и смысла не было – что брать с людей, у которых ничего нет? Так что, понурившись, Володя и Витя отправились в комнату, чтобы слегка перевести дух и подумать, что им делать дальше.

– А мы Ваську дурнем считали! Он, видал, как всё провернул? – вздыхал Вова.

– Да уж… и что теперь делать? Даже если попытаться уло-

мать отца продать бабкину наследную квартиру, а он это без мамы может сделать, денег за неё много не выручить, нам не хватит! – переживал Витя.

– И кредит отцу большой не дадут, – чуть ли не хором расстраивались братья.

И тут их осенило:

– Стоп! Идея! А что, если… – загорелись глаза у Володи.

– Ты думаешь о том же, о чём и я? – развернулся к брату Виктор. – Васька! Он же со своей охранкой намаялся, его ранили, и травмы были, а если мы ему предложим войти в долю? А он нам в банке кредит возьмёт?

– Да даже не кредит! Ты помнишь, мать сказала, что он в своём концерне ссуду брал?

– Точно! Вот и сейчас возьмёт, а деньги нам отдаст, и мы поднимемся! Да, он, конечно, просто охранник, не бизнесмен, но соображать-то должен – это дело верное! – обрадовался Виктор.

– К тому же его зараза-Ленка к матери свалила, он же у приятеля ночует! – поддержал брата Владимир. – Всё очень удачно складывается!

К тому же, оба были подспудно уверены, что имеют право на некоторую моральную компенсацию за то, что всё «захапано» старшим братом. И вот, крутые и очень уверенные в себе «бизнесмены» отправились в путь-дорогу к Василию, чтобы убедить его их спонсировать и обеспечить себе много денег за такой, в сущности, пустяк…

Примечание автора: уважаемые читатели, если вам кажется, что такого не бывает, вам это только кажется! Бывает, и ещё как! Какие только «гениальные» идеи не загораются в головах подобных «бизнесменов», какие только кредиты не берутся под это дело самими будущими миллионерами, их родителями, жёнами и даже просто любящими, но не очень предусмотрительными спутницами жизни.

***

Петровский и Бошинов вдумчиво и старательно пытались избежать очередной побег таракана…

Нет, конечно, проще всего его было упихать в трёхлитровую банку, но проблема в том, что ни одной такой посудины в доме не оказалось – жена Петровского все пустые банки в преддверии сезона увезла маме на дачу.

– Что за странность – когда они не нужны, их полно! – вздыхал Петровский. – А стоит им понадобиться – словно никогда их в доме и не было! Нет, можно, конечно, в кастрюлю его посадить… так что-то меня мучают смутные сомнения, что это как-то не того… – бормотал Петровский. – Брезгливо мне!

– И не говори! – кивал Бошинов. – Мерзковато…

И тут Петровского осенило!

– Точно! Настасьины композиции! Она одну делала в маленьком аквариуме – ну, в крохотной такой штуке типа аквариума, я все эти ветки-палочки и мох вытряхнул, когда этого гадика ловил…

– Это ты зря! – перебил приятеля Бошинов. – Ленка бы за такое сильно обиделась!

– Настя тоже оскорбится жутко, но у меня время есть, я сооружу что-то наподобие, – оптимистично заверил Василия Петровский. – А главное-то, смотри! Да не в шкаф смотри, а на шкаф! Видишь, там стоит здоровенный аквариум со всякой всячиной – это в нём Настасья последнюю свою конструкцию собрала. Вот если из него всё это достать, а туда посадить этого паразита, то он нипочём не вылезет!

– Точно! Там же мало того, что стекло, так ещё и края нависают! Однозначно не вылезет!

Петровский быстро достал будущее вместилище для Кузи, разобрал композицию супруги, предварительно её сфотографировав – чтобы потом точно собрать как было.

– Ну другое же дело! – переглянулись приятели через пятнадцать минут, глядя, как Кузя мчится по кругу в надежде найти выход.

Аквариум поставили на низенький столик в коридоре и уже почти было решили отправиться спать, как у Бошинова затрезвонил смартфон:

– И чего этим великим предпринимателям потребовалось? – вздохнул Бошинов, принимая вызов.

Он слушал, слушал, слушал, а на лице возникало всё более кислое выражение, словно он уже три лимона съел и уксусом запил:

– Нет, здесь вам делать нечего! – в конце концов выгово-

рил он. – Я к вам сейчас спущусь и лично объясню, на что и куда вы можете употребить свои прожекты!

Петровский вопросительно глянул на друга, и тот устало махнул рукой:

– Братья узнали, что родители отдали квартиру мне, так что с них ничего взять уже нельзя, а вот с меня, получается, можно… Им так кажется…

– Сам их пошлёшь или помочь? – уточнил Петровский.

– Сам, конечно. Сейчас пойду повеселюсь над их бизнес-планами и вернусь.

– Давай я тебе запасные ключи дам! – предложил Дмитрий. – Я уже, наверное, лягу, так что ты сам вернёшься.

Так и порешили – Бошинов ушёл навстречу родственному цирку, а Петровский отправился в душ, а потом лёг и уснул – что ещё делать нормальному человеку ночью в выходной день?

Скрип ключа в замке он расслышал даже сквозь сон, но законно решил, что это Василий вернулся, так что даже головы не поднял, проваливаясь обратно в мир сновидений.

***

Эмилия, которую все в семье звали попросту Мила, точно знала, что она – особенная!

– Кто меня обидит, об этом сильно пожалеет! Нет, я даже руки пачкать не стану, его покарает провидение! – частенько высказывала она всем, кто хотел это слушать или просто не успел вовремя смыться.

Почему, по какой именно причине провидение должно носиться и карать обидчиков Милы, особенно если она эту обиду более чем заслужила, никто так и не понял, но факт остаётся фактом – Эмилия была уверена, что её особа стоит как бы над окружающими.

Само собой, такая позиция была очень удобна для наблюдения за недостатками и пороками главных носителей хаоса и зла этого мира, которыми Мила считала мужчин. Так что нормы права, по которым чужие ключи брать нельзя и в чужие жилища соваться без приглашения не положено, Мила с пренебрежением отмела – она же не красть что-то идёт, а наоборот, спасать бедняжку-Настю от негодяя и изменщика!

– Ради благой цели! – сказала себе Мила, осторожненько открывая входную дверь чужой квартиры.

Почему-то никаких признаков разгульной жизни она не заметила, и это её насторожило…

– Свинтил к любовнице? – с досадой подумала бдительная тётушка.

Впрочем, негромкий мужской храп подсказал Миле, в чём дело:

– Небось, приволок какую-то… домой, наклюкался, устал и дрыхнет! Ну ничего… я сейчас потихоньку зайду, включу свет, сфотографирую это безобразие, выскользну, закрою дверь снаружи и позвоню Насте! Так-то она меня не послушает – совсем заморочил этот гад ей голову, а вот фотографию увидит – сразу приедет и изловит мужа с его пассией!

В гостях у племянницы Мила никогда не была – как ни намекала, как ни говорила прямым текстом, Настасья нипочём тётку домой не приглашала, так что пришлось ей идти в темноте, на ощупь, ориентируясь по звуку…

Ладонь коснулась чего-то круглого и холодного.

– Аквариум? – удивилась Мила, и тут это круглое под нажимом её руки неожиданно легко сдвинулось с места, поехав по полированной поверхности. – Ой, он же пустой, сейчас упадёт!

Она резко цапнула за край пустой, как ей казалось, аквариум и дёрнула к себе, чтобы избежать падения хрупкой вещицы…

Глава 4. Тётка незваная

Кузя, как существо неприхотливое и покладистое, ничего такого уж плохого от жизни не ждал. Он никого не трогал, отродясь не кусался – просто физически не умел, мирно жил себе, ну шипел временами, а кто без недостатков? Его в ответ поили, кормили и не обижали, а это было главное. Всё остальное – все эти ахи и охи, удивления и ужас, визг и фырканье, выражения омерзения и всё прочее пролетали над ним, ничуточки его не задевая.

Но не в этот раз!

Его новое жилище почему-то резко наклонилось вбок, Кузя съехал с донышка, изо всех сил цепляясь лапками за гладкие стенки, но как там зацепиться-то? И у паука не получилось бы, куда уж там медлительному, неспешному и упитан-

ному мадагаскарцу, который за всю свою жизнь ничего такого уж экстремального не видел. Не видел… а вот теперь пришлось!

Резкое движение человеческой руки, ухватившей пустой аквариум за бортик и невольно его перевернувшей, отшвырнуло Кузю не только с донышка – он и на стеклянной стенке не удержался, а потом панически загрёб лапками, ощутив, что он… летит.

Законы физики иногда ведут себя легкомысленно, но только не в этом случае, так что упитанный и довольно увесистый обитатель аквариума прибыл точно в цель – на весьма выдающийся бюст опрометчивой Милы. Бюст был обтянут тонкой блузкой с вырезом, а над ним виднелось какое-то укрытие, и именно в направлении этого убежища решил двигаться Кузя, который прекрасно видел в темноте.

– Что это ещё за… – успела подумать Эмилия, машинально попытавшись стряхнуть с себя что-то выпавшее из аквариума.

Рука коснулась чего-то странного, гладко-плотного, которое вдруг зашевелилось и…

– Шшшшшш… – громко выдал перепуганный Кузя, взяв себя в лапки и рванув к месту, где можно спрятаться и переждать опасность этого сумасшедшего мира.

Петровский спал, что показательно, никого не трогал, никакого подвоха не ожидал и уж вовсе не рассчитывал услышать совсем рядом истошный вопль отчаянно перепуганно-

го существа, оказавшегося в ужасной опасности.

– Аийааааиииййй! – вопль длился и длился, и был такой интенсивности, даже первые «аий» едва не снесли звуковой волной Петровского с кровати.

Впрочем, дальше он уже среагировал сам – слетел с постели и ринулся в коридор, где метался какой-то посторонний и неизвестный ему человек.

Петровский в темноте видел чуть похуже Кузи, но совсем неплохо для человека, так что осознал, что угрозы лично ему этот пришелец не представляет, а занят чем-то странным:

– Словно пытается содрать с себя одежду… – краем сознания удивился Петровский, включая свет и изумлённо уставившись на женщину, которая одной рукой явно пыталась оторвать воротник от своей ветровки, а во второй держала круглый аквариум, которым активно размахивала, при этом подпрыгивая и вопя на одной ноте.

Теперь-то он видел, что первое впечатление было ошибочным – особа ему была явно знакома, но, несмотря на это, её странное поведение и вообще присутствие у себя дома Петровский объяснить не мог.

Объяснить не мог, но с чего-то же надо было начинать? Вот Дмитрий и начал:

– ТИИИХАААА! – рявкнул он так, что тётку жены словно выключили – из горла вырывался только какой-то свист, словно закипал чайник.

Правда, даже эта условная тишина была не полной – тётка

по инерции снова рванула воротник ветровки, и из-за него донеслось возмущённое и неожиданно громкое шипение.

– Кузя! А ты что там забыл? – удивился Петровский, хладнокровно снимая мадагаскарца, спрятавшегося в складке воротника ветровки. – Так, Эмилия Сергеевна, отдайте аквариум! Зачем он вам вообще понадобился?

– Ааак? Аккк? – широко раскрытые глаза Эмилии уставились на стеклянную штуку, которую она крепко держала в руке.

– Ну-ка быстро аквас отдали! – приказал Петровский, ловко вытаскивая Кузино вместилище из цепких пальцев тётки и разжимая ладонь с мадагаскарцем.

И тут Эмилия увидела, что именно в этой ладони находится…

– И откуда у неё такая громкость? – успел удивиться Петровский, которого вместе с Кузей и аквариумом буквально отшатнуло к стенке. – И ведь любую оперную певицу перевопит – ни у кого же дыхания не хватит! Даже Монсеррат Кабалье за пояс бы запросто заткнула!

Профессионализм – великое дело! Именно он помог Петровскому осознать, что Настасьина тётка так и будет стоять и верещать в его коридоре, если не убрать от неё Кузю:

– А я вообще-то поспать хотел, нафига мне тут эта сирена?! – думал Дмитрий, спроваживая несчастного таракана в аквариум и убирая в комнату, от греха подальше! – И хорошо бы понять, чего эта тётя-мотя тут забыла? И как вошла?

Дверь точно была закрыта и заперта, Васька ещё не вернулся, а тётка как-то просочилась!

Он, понадёжнее поставив аквариум, вышел из комнаты и хмуро уставился на Эмилию.

Просочившаяся тётка так и стояла посреди коридора, нервно ощупывая бюст и воротник.

– Эмилия Сергеевна! – окликнул её Петровский. – А Эмилия Сергеевна! И что это вы тут делаете, а?

На этот вопрос Эмилия не среагировала, продолжая шарить руками по одежде.

– Так, ладно… – Петровский обошёл застывшую тётку, открыл входную дверь и обнаружил, что в замок вставлен ключ, с которого свисает очень знакомая связка. – Настины! – вздохнул он, поворачиваясь к Эмилии.

Жену он знал преотлично, так что ему и в голову не пришло заподозрить, что это она послала тётку домой – Настасья тётьМилу выносила с трудом, и то, только ради мамы.

– Эмилия Сергеевна! Вы ничего не хотите мне объяснить? – сухо уточнил он.

– Что? Что это вообще было? – выпалила Эмилия.

– Где именно? Вот тут я вижу вас, Эмилия Сергеевна, и точно знаю, что вас к себе домой не приглашал, не звал и дверь вам не отпирал! Если не брать в расчёт ваши возможные перемещения на метле и учесть ключи моей жены, которые торчат в замке, то вырисовывается некрасивая такая картина…

– Что? Какая ещё картина? – Мила медленно, но верно приходила в себя. – Что за гадость тут у тебя была?

– Да вам-то какое дело? – усмехнулся Петровский. – Не отвлекайтесь от сути вопроса – что вы тут забыли и зачем пришли?

– Я не буду с тобой разговаривать, когда ты в таком неприличном виде! – Эмилия поморщилась, кивнув на тот минимум одежды, который был на Петровском.

– Я вообще-то у себя дома, – напомнил ей Дима, который абсолютно не собирался смущаться нормальных боксёрских трусов, в которых спал. – Имею право ходить так, как мне удобно. Хоть вообще без одежды, тем более что я ночью не гостей принимаю, а сплю! Потрудитесь правдоподобно объяснить мне, что вы тут забыли, иначе я сейчас вызываю полицию и дело с концом!

В этот момент на лестничной площадке послышались торопливые шаги, и входная дверь резко распахнулась – Бошинов, вернувшись после беседы с братьями, на входе в подъезд услышал дикие вопли и рванул на крики.

– Вась, всё в порядке, – успокоил напарника Петровский. – У меня тут гостья незваная прибыла – тётка жены, причём с её ключами.

– А кто кричал?

– Она и кричала – судя по всему, случайно вытряхнула на себя аквариум с Кузей…

– Гм… а пришла-то зачем? – Бошинов зрил в корень.

– Да вот пока не отвечает!

– Полицию вызываем?

– Да какая ещё полиция? – отмерла Эмилия. – Я ничего не украла, ничего плохого не сделала!

– Круто… то есть, если я сопру у вас ключи и приду в вашу квартиру без приглашения, это будет нормально? – удивился Петровский, переглянувшись с Бошиновым.

– Не, Дим… это по-любому ненормально! Во-первых, кража ключей – это мелкое хищение, административка, а вот незаконное проникновение в жилище против воли проживающего там лица – это вообще уголовка – статья сто тридцать девятая УК РФ, – автоматически выдал Василий.

Оба преотлично знали, что вообще-то за мелкое хищение Эмилии присудят штраф, ну… тысяч этак пять. А за проникновение в жилище, с учётом того, что дамочка исключительно законопослушна, ничего не украла и вообще первый раз что-то нарушает… скорее всего, тоже штраф. То есть отделается она мелким испугом, и, хотя он ей совсем не помешает, во всём этом есть проблема!

– Настасья, а главное – её мама! – стремительно соображал Петровский.

С тёщей у него отношения были преотличные, доверительные и вообще из серии лучше не бывает. При этом Дмитрий понимал, что ни одной, даже самой-пресамой лояльной тёще в мире не понравится скандал вокруг её родной сестры, который закончится вызовом полиции и судебными раз-

бирательствами.

– И стоит ли эта ситуация того, чтобы испортить отношения с тёщей? – вопрос был риторическим, особого ответа и не требовал, это понимали оба – и Дмитрий, и Василий.

Правда, это ничуть не умаляло того факта, что тётку просто так отпускать нельзя – вот ещё, затеяла какую-то фигню, да ещё приладилась ключи таскать да по квартирам шастать! Все эти раздумья заняли от силы несколько секунд, причём оба напарника думали в одном направлении и пришли к одинаковым выводам – опыт, однако!

***

Эмилия никогда в жизни не попадала в такую дикую ситуацию! Она всегда гордилась тем, что с ней не происходят никакие нелепые случаи. Нет-нет, только не с ней! Это всё могло случаться с другими, которые, безусловно, виноваты во всём сами. Не туда пошли, не с теми заговорили, не так оделись, не вовремя повернулись и прочая, и прочая, и прочая в том же духе.

Разумеется, жертвам любой неловкой ситуации Мила всё это и высказывала – а что? Имеет право, с ней-то всё всегда в порядке! И вот… и вот… стоит она в коридоре квартиры племянницы, где её коварно поймал гад-Петровский, заставший её в унизительнейший момент. Но и это ещё не всё, словно мало было того кошмарного насекомого, от которого её до сих пор потряхивает от омерзения.

– Ну, это уж слишком! – разозлилась Эмилия. – Какая

полиция? И кто ещё это? Какой такой мужик примчался? И что он несёт про уголовку? Я – женщина честная! Ничего плохого не собиралась делать!

Честная женщина расправила плечи и гневно сверкнула глазами:

– Прекратите нести чепуху! Какая ещё полиция! Это – квартира моей племянницы!

– Во-первых, это наша с ней квартира, а во-вторых, разве она вас сюда посылала? Разве давала ключи и разрешение сюда приехать? – усмехнулся Петровский, примерно представляющий, каким будет следующий шаг опрометчивой тётки.

– Давала, конечно! – Эмилия поняла, как можно без проблем выйти из этой нелепости: – Она… попросила меня посмотреть, как тут у тебя дела, пока её нет! И правильно попросила! Что за ужас тут творится? Что за мерзкое существо ты приволок и почему не прибил, а спрятал? И это кто? – она ткнула пальцем в Бошинова, который прислонился плечом к входной двери и беззвучно посмеивался. – И что он делает у вас дома, когда тут нет твоей жены?

– По всем этим вопросам я с удовольствием пообщаюсь с Настасьей! – широко улыбнулся Петровский, набирая номер супруги. – Благо, она в сети, так что я её не разбужу.

– Нет! Я сама с ней сначала поговорю! – заторопилась Мила, но было уже поздно – где тонко, там и рвётся, так что ситуация законно затрещала и начала рваться именно в самом

уязвимом месте Милиных объяснений.

– Насть, не спишь? – Петровский отступил подальше от булькающей что-то гневное Эмилии. – Тут у нас странная такая ситуация приключилась – стоит напротив меня твоя тётка Эмилия, которая говорит, что ты послала её проконтролировать, чем я занимаюсь, пока тебя нет дома. Причём прибыла она с твоими ключами, вошла в темноте, едва не уронила… ёмкость, в которой сидел таракан, вывернула её на себя, а потом так вопила, что Васька примчался с первого этажа… Да, у нас Вася ночует.

– Так… – Настасья уложила Маришку, вдоволь наговорилась с мамой, вышла на крылечко, послушала соловьёв, а потом решила на ночь глядя посмотреть что-нибудь романтически-комедийное, и тут нате вам, у мужа на местности объявилась её тётка! – Дим, ключи я ей, конечно, не давала, идиотских поручений тем более! Зато она мне сегодня опять пыталась внушить, что у тебя миллиона полтора любовниц!

– Понятненько… полицию вызываем?

– Полицию? Да она слишком легко отделается! – разъярилась Настасья. – Хотя… у нас же камеры работали?

– Работали, конечно! – с удовольствием подтвердил Петровский, покосившись на физиономию Милы, перецветающую из красного в бледный цвет.

– Включи громкую связь! – попросила Настя, а потом продолжила:

– Открой ей гостиную и пусть она там сидит. Молча и ти-

хо! Тётя, я надеюсь, вы меня хорошо поняли? Вы идёте в комнату и ждёте меня! Если вы куда-то попытаетесь выйти, я разрешаю Диме вызывать полицию, а со своей стороны обещаю разослать видео с вами всем, ВСЕМ нашим родственницам, от вас пострадавшим! И учтите, что у нас камеры с ночным видением, то есть все ваши действия в темноте тоже запечатлены!

– Настя! Я же для тебя стараюсь! – попыталась было выступить Эмилия. – Твой муж… да он вообще без стыда и совести! Он тут в белье стоит! Это же совершенно недопустимо при посторонних! – наябедничала она, в надежде переключить племянницу на проступок мужа.

– Он у себя дома может стоять в чём хочет, а вас в гости никто не звал! И как вы вообще посмели спереть мои ключи и влезть в наш дом? – отрезала Настя. – Дим, я скоро буду – дороги свободны, так что я быстро доеду. Да, забыла спросить… Кузя-то жив?

– Жив, как ни странно… он успел спрятаться под воротник ветровки твоей тётушки и скрывался там, – усмехнулся Петровский, недоумевающе покосившись на явно встревоженного Бошинова.

– Хоть это хорошо. Ладно, я еду – только маме скажу, что и как. Ждите!

Петровский самолично запер входную дверь, забрав Настины ключи, чтобы предприимчивая тётка не смылась, а потом открыл дверь в гостиную:

– Эмилия, вы сами всё слышали, заходите и ждите Настю.

А потом кивнул напарнику на кухню:

– Вась, по чайку?

– Само собой! – Бошинов зашёл на кухню, плотно закрыл за собой дверь и прошипел:

– Ты про композиции забыл! Тебя Настасья под орех разделает, когда увидит… да ещё учти, что она на взводе будет после разговора с тёткой!

– Уййй, ёлки-палки! – Петровский взъерошил волосы и осмотрелся: – Куда бы пересадить этого несчастного?

– Его уже никуда – Мила видела аквас, да и на видео будет… Лучше возьми какой-нибудь красивый салатник и переставь большую композицию в него – это всё-таки получше будет, чем кучка мусора в газетке, поуважительнее... а маленькую – давай в маленькой стекляшке и восстанавливай! – Бошинов после общения с братьями ощущал себя мудрым и очень хитроумным.

– Точно! – воспрял Петровский, извлекая с верхней полки кухонного шкафа подаренный кем-то хрустальный салатник, которым они никогда не пользовались.

Эмилия всегда подозревала, что эти гады-мужики в свободное время обсуждают женщин, хвастаются «подвигами» и напиваются почём зря… Но её богатое и малость воспалённое воображение нипочём не могло себе представить двух представителей ненавистного племени, трудолюбиво выкладывающих коряжками и мхом дно хрустального салатника…

***

Настя, очень стараясь сдерживаться и не высказать громко и от души всё, что хотелось, быстро рассказала маме, куда и зачем срывается на ночь глядя, сказала, что именно объяснить Маришке, когда она проснётся утром, и отправилась в Москву на встречу с тётушкой ненаглядной – век бы не видеть!

Она ехала, не подозревая, что именно её отсутствие даст возможность появления в их жизни кое-чего абсолютно незапланированного.

Глава 5. Тишь да гладь

Пока племянница добиралась до дома, Эмилия успела продумать стратегию контрнаступления и порыться в интернете, изучая что именно могут ей предъявить:

– Да, взяла ключи, да пришла, и что? Ничего не украла, вреда не причинила, полицию… да если вызовут они эту полицию, что с того? Максимум – будет штраф, а если судья будет женщина, то, может, и вообще обойдётся – уж они-то миллион случаев видели, когда жена за порог, а муж домой какую-то… кокотку тащит! А я что? Я племянницу люблю, забочусь о ней, а этот… гад-Петровский точно ей изменяет! Вот стопроцентно!

Эмилия уже даже представила себе, как убеждает судью в собственной правоте, и та, смахнув непрошенную слезинку, полностью её оправдывает – кто же позаботится о молодой и неопытной женщине, как не любящая тётя?

– Тем более что сестра моя такая… такая дурища доверчивая! – вздохнула Эмилия. – Казалось бы… ты ж тёща! У тебя возможностей миллион, прав куча, так пользуйся этим! Так нет, сядет, ручки сложит и всё своего муженька вспоминает! А я точно знаю, что он её обманывал. Да, доказать не успела, эх жаль…

Впрочем, Эмилия сильно сомневалась, что даже её мягкотелая и глупая сестра будет рада тому, что зять вызовет полицию, а раз так, то ничего этого не будет.

– Значит, самое главное – это убедить Настьку видео не показывать нашим! – логично рассуждала Мила. – А что для этого надо? Правильно! Пообещать, что я больше не полезу к её муженьку с подозрениями и проверками. Что мне стоит пообещать? – усмехнулась она.

Эмилия точно знала, что всякие обещания, «дача слов» и клятвы ничего на самом-то деле не значат – она сама будет решать, исполнять эти самые слова и обещания или нет.

– А Настя всё поймёт, когда я ей докажу, какой у неё муженёк на самом-то деле! Я ж знаю, что он ей изменяет! И вот этот… второй. Чего он приехал? Конечно, чтобы в компании с Петровским по бабам отправиться! Просто он задержался, вот наш самец… собачий и улёгся спать!

По логике Эмилии всё было именно так и никак иначе! Тем более что совсем недавно – пару месяцев назад – она после долгой и кропотливой слежки разоблачила подлого изменщика, который прикидывался хорошим и верным му-

жем.

– Да-да, его жена тоже мне рассказывала, что он ни за что и никогда… Но я-то знала! Знала и была права! Так что и тут всё будет так же!

Почему-то Эмилия не задумывалась о том, что мужчины бывают разными, впрочем, точно так же, как и женщины, а если и задумывалась, то с ходу отбрасывала эту мысль подальше – она ей не нравилась, так зачем её думать?

Короче говоря, к моменту приезда племянницы тётушка была вполне готова к разговору.

Настя приехала быстро… даже слишком быстро – по крайней мере, так показалось Петровскому и Бошинову, которые кропотливо воссоздавали Настину композицию в хрустальном салатнике, поминутно сверяясь с фото предыдущей версии.

– Так, вот тут была ещё какая-то коряжина. А! Вот она! Вася, не сядь на неё, раздавишь, меня Настасья съест!

– Да не собирался я на неё садиться! Погоди… это не та, тут вот, видишь, какая-то загогулина была, а на этой нет!

– Точно! Стой, вот нужная! Так, её сюда, а эту вниз и мхом прикрыть! – бормотал Петровский, чувствуя себя примерно так же, как зимой, когда в десять часов вечера из детской вышла сонная Маринка и заявила, что она забыла сообщить – завтра в детский садик нужна композиция «Домик мышки».

Причём в домике из природных материалов должна была быть мышка, мебель, запасы… тоже из этих же самых мате-

риалов!

С запасами было проще всего – кухонный шкафчик гостеприимно распахнул свои объятия, а вот со всем остальным… Нет, Петровский предлагал жене пойти и самолично объяснить, как называются такие задания, когда за окном сугробы в полметра и природные материалы вместе с остальной природой мирно дрыхнут, но Настасья не пустила, сказала, что детский сад им ещё нужен, а вот если её супруг туда дорвётся в подобном настроении, то вместо этого заведения может остаться котлован… Тогда из положения вышли благодаря Настиному увлечению композициями – нашлись и палочки, из которых неприлично шипящий Петровский построил домик, и коряжки, похожие на кровать, и столик, и мох, которым «застелили» кровать, и сосновая шишка, из которой Настя сделала мышку. Короче, тогда они спаслись, но вот без Настасьи делать что-то подобное, да ещё повторяя её же творение… Дмитрий аж устал!

– Слушай, а как ты объяснишь, что композиция переехала? – не вовремя спросил Бошинов, а поймав оччень мрачный взгляд напарника, примиряюще поднял руки: – Дим, спокойно! Просто у меня возникла идея!

– Какая ещё идея?

– Смотри, это ж хрусталь… если внутрь поместить какую-нибудь подсветку… ну, типа светодиодной гирляндочки небольшой, я у тебя такое где-то видел, то получится очень даже интересно… В смысле, можно будет сказать, что ты ре-

шил, что простая стекляшка недостойна такой композиции! А вот хрусталь и подсветка…

– Точно! А то получится, что я ради этого проклятого насекомого полез крушить Настины творения! – Дмитрий очень хмуро покосился на безмятежного Кузю. – Гирлянда, да… точно! Есть! Настя её в фонарь засунула!

Петровский приволок стеклянный фонарь с затейливой дверцей, в котором вместо свечи красовалась небольшая светодиодная гирлянда, и добыл необходимый элемент для оправдания перед супругой.

Когда в замке повернулся ключ, декораторы-любители заметались, спешно убирая следы собственной деятельности, Петровский поспешил к жене, а Вася торопливо расставил по местам восстановленные и местами улучшенные элементы декора.

Настасья всю дорогу готовилась разметать тётины доводы по закоулочкам, так что была явно в боеготовом состоянии, так что Петровский с ходу принял абсолютно невинный вид – чисто на всякий случай.

– Ты как? – вопросительно покосилась на него Настасья, пряча запасной комплект ключей, обычно хранящийся у её мамы.

– Нормально! Сидим с Васькой, ждём тебя!

– И всё было тихо? – удивилась Настя.

– Абсолютно – даже слышно, как Кузя топает! – Петровский аж сам удивлялся этому, но разумно решил к странной

особе не заглядывать.

– Это показатель! – хмыкнула Настя и, расправив плечи, шагнула к гостиной, плотно закрыв за собой дверь – по её мнению, незачем грузить хрупкую мужскую психику женскими внутрисемейными разборками.

Правда, дверь с задачей полной звукоизоляции справлялась плоховато, так что выступления Настасьи и Дима, и Вася прекрасно слышали. Слышали и уважали!

– Боевая она у тебя! – сформулировал Бошинов. – Не хотел бы я быть на месте этой как там её… Эмилии.

– Да с такой тёткой только так и можно разговаривать! – морально поддержал жену Петровский. – Правда… странно. Как-то она очень тихо реагирует. Последний раз, когда она влезла в чужую семью и ей пытались объяснить, что так делать нельзя, она орала с громкостью реактивного самолёта!

Эмилия и правда была неожиданно тиха и неправдоподобно покладиста…

– Настенька, я же хотела как лучше! – негромко повторяла она, глядя на сердитую племянницу. – Я же думала, что я тебе помогу, понимаешь?

Выслушав весьма резкий ответ Насти, Эмилия едва сдержалась, но, припомнив видео, смогла кротко ответить:

– Если ты ему так веришь, и я сегодня ничего не обнаружила, то… то, наверное, он… просто исключение. Да, точно! Исключение, подтверждающее правило! Но, Настя, что за гадость он завёл? Как ты могла позволить мужу принести

домой то… ту… я не знаю, что это было, но оно омерзительно!

Разумеется, Настасья, которая не так уж давно сама считала именно так, более того, уехала на дачу, только чтобы не быть в одном помещении с Кузей, с ходу заявила, что это очень обаятельное и приятное существо, и вообще, нечего тёте соваться в то, что именно они заводят дома!

– Короче, тёть, если ты ещё раз к нам полезешь, я тебе обещаю, что все наши родственники и родственницы увидят и твоё вторжение, и всё остальное! Поняла?! – уточнила Настя, гневно сверкая глазами.

– Да поняла я, поняла! – согласилась Эмилия и, не удержавшись, добавила: – А ты этого мужика, который сейчас у вас дома, хорошо знаешь? Чего это ты за порог, а он к твоему муженьку привалил? Куда они собирались, ты в курсе?

Ответ племянницы был настолько энергичен, что крупногабаритную тётушку прямо-таки вихрем вынесло и из гостиной, и из квартиры Петровских.

– Достала! – прошипела вслед Эмилии Настасья. – И ведь откуда что? Родители её любили, мама до сих пор любит, а что мужчины не жаждали с такой общаться и жить – так их понять можно. Это ж каким мазохистом надо быть, чтобы жениться на такой! Ну не общаются с тобой, и ладно, тебе-то ничего не грозит – они и так от тебя шарахаются, так чего ты лезешь-то ко всем?

В таком огнеопасном состоянии она вошла в комнату и

уставилась на круглый, приличного размера аквариум, в котором бодро бегал Кузя.

– Так… какая-то странно знакомая вещь! – призадумалась Настя.

– Эээ, Настюш, – осторожно окликнул её Петровский. – Это я взял из-под твоей композиции… Понимаешь, этот гад я не знаю сколько раз выбирался из контейнера, вот я и решил, что так будет безопаснее.

– Из-под моей… чего? – Настя уже представила горку переломанного мусора, в который превратилось её флористическое достижение. – Ты выкинул мою композицию?

– Да что ты! Как ты могла подумать! – загудел Петровский. – Вот она! Смотри!

Он жестом фокусника указал на подоконник и Василия, скромно стоящего рядом. Бошинов протянул руку, завёл её за хрустальный салатник и включил незаметную до этого момента светодиодную гирлянду.

– Ой, как здорово вышло! – разулыбалась Настасья, которая краем глаза заметила и непорядок в небольшой композиции, и крохотные кусочки мха, которые рассыпались неподалёку от подоконника, но и не подумала что-то высказывать по этому поводу.

Её композиция гордо возвышалась в хрустальном салатнике, переливающемся искрящимися огоньками, а рядом скромно стояли муж и его напарник. Насте пришлось приложить усилие, чтобы не рассмеяться, стоило ей только пред-

ставить, как эти здоровенные и безусловно серьёзные люди кропотливо собирали обратно её разорённое творение.

Потом, когда Василий в гостевой комнате уже видел десятый сон о том, как его лоботрясы-братья работают бурлаками на Волге, Настя потихоньку убрала остатки мха с пола, сходила проведать неутомимого Кузю, скачала и просмотрела видео с тётковторжением, а потом пришла к мужу и сказала:

– Я тебя очень люблю, даже несмотря на то, что именно из-за тебя в нашем доме топает таракан-переросток!

Настасья уже засыпала, когда ей в голову пришла мысль о том, что Эмилию вообще-то можно пожалеть – она-то никогда не общалась с мужчиной, который был бы ей по-настоящему близок, который бы её любил, кому можно было доверять, растить детей, с радостью возвращаться домой.

Но… мысль пришла и была отправлена Настей обратно, просто потому что она считала, что жалеть всех подряд неразумно. Чего жалеть бабу, которая по собственному почину испортила жизнь и себе, и пытается испортить её всем окружающим, до которых сумела дотянуться?

– Обойдётся! И так эту заразу мама жалеет, вот и хватит с неё! – пробормотала Настасья, проваливаясь в сон.

Так как легли они все поздно, то и заспались прилично – а почему нет, если день выходной, никаких срочных дел нет, а желание отдохнуть как следует имеется?

За завтраком Петровский припомнил, что так и не уточнил у напарника, как прошла его встреча с братьями, но сто-

ило об этом спросить, а Бошинову открыть рот, чтобы поведать о собственном коварстве, как у Насти зазвонил смартфон.

– Ой, мама звонит. Наверное, Маришка расстроилась, что я уехала, – спохватилась она, принимая вызов.

И тут же из динамика смартфона неудержимым потоком вырвалось Маринкино:

– Мамочка! Папа! Я буду есть овсянку, я не буду играться с папиной кобурой, я буду убирать игрушки и не буду раскидывать пластилин, я буду пить молоко!

– Так, походу, к нам подкралось что-то крупное и ужасное… – тихо произнёс Петровский, а Бошинов с сочувствием покосился на друга и его жену.

– Мариша, а что случилось? – Настя прорвалась через обещания и клятвенные заверения дочери, которые сулили уже что-то и вовсе несусветное:

– Мамочка! Я буду есть ДАЖЕ цветную капусту! И тушёный перец тоже, и эти… хрюкадельки!

– Ой, что-то мне уже страшно… – выдохнула Настасья, которая точно знала, как именно дочь не любит «хрюкадельки».

– Нет, он не страшный! Он очень-очень милый. А она вообще просто чудо! Правда, он большой, зато она совсем маленькая! Маааамаааа! Пааапочка! Давайте мы их остааааавиим!

Петровские медленно переглянулись.

– Так этого там не одно? – уточнила Настя, внезапно решив, что Кузя совсем-совсем неплохой вариант.

А что? Сидит себе в аквариуме, шуршит салфеткой, топает, ест морковку и хлеб. Никого не трогает, кроме всяких заполошных тёток, которые вообще самивиноватые.

И тут Дмитрий, понимая, что надо оказать поддержку жене, вынул из её руки смартфон и окликнул сокровище своей жизни:

– Так, ребёнок! Спокойно! Доложить по форме, что ты там приволокла!

– Пап! Это большая собака, похожая на лохматого лешего, и маленький котёночек, похожий… на полосатого котёночка! Бабушка говорит, что котёночек маленький, и собак тоже ещё маленький, пусть даже и большой! И я их не искала, это мамочка забыла закрыть калитку на засов, а там осталась щёлка, вот они и пришли под кусты. Бааа! Покажи папе и маме собачку и кошечку!

Когда Петровский открыл фото, то только и мог, что хмыкнуть – устами их младенца истина глаголила весьма громко и точно – под кустом смородины действительно находилось что-то смахивающее на лохматого лешака, и на боку этого здоровенного недоразумения сидел маленький полосатый котёнок.

– Маришка, нет! – твёрдо сказала Настя. – Мы не можем их взять! Это очень большая собака.

– Зато маленькая кошечка!

– Мариш, а как же наша поездка к морю? А потом, кто будет гулять с собакой? Папа же часто работает и дома не бывает! Извини, солнышко, но мы не можем!

Рёв был вполне ожидаемый…

– Мамочка, я обещаю помогать изо всех сил! Я… я даже с Мишкой помирюсь и не буду больше его бить!

Бошинов беззвучно фыркнул, стараясь задвинуться вместе с табуреткой в дальний угол кухни.

– Мамааа, я не могууу, я же сказала им, что они уже дома, что мы их не выгоним! Их же уже выгнали, а у собачки лапа хромает! Мамочка, как же они смогут жить сами, без нас? Бааа, покажи их сейчас!

Настина мама включила видеозвонок, и Петровские увидели, как сильно хромающая на правую переднюю лапу псина топчется по веранде, а потом пытается скомковаться как можно компактнее и забиться под садовые качели, а к ней тут же подскакивает котёнок и ныряет к боку – видимо, для них это привычно, так лежать.

Настасья и Дмитрий переглянулись.

Тут послышался какой-то шум, и очень знакомый голос заставил Петровского нахмуриться, а собаку – развернуться к калитке, с трудом подняться и залаять.

– Вера, Вера, что за мерзкая пакость у нас на крыльце? Ты что? Как ты позволила сюда забраться бездомной псине? Тут же ребёнок! Выгони эту дрянь немедленно! Пшла, пшла вон! Ещё и лает на меня! Тут ещё и кошка? Да что за безобразие!

Заревела в голос Маришка, вцепившись в пса и подхватив на руки котёнка.

– Мама! – Настин голос из смартфона был слышен даже за какофонией, которую устроила Эмилия. – Мама! Включи громкую связь! – Вера быстренько сделала то, что потребовала её дочь, и голос Настасьи, которую поддержал Петровский, раздался громко и очень отчётливо:

– Так! Мариша, не плачь, мы с папой сейчас приедем и со всем разберёмся!

– Да что тут разбираться! Выкинуть это всё немедленно! Вот я сейчас лопату возьму и как отлопачу эту шавку! – выдала Эмилия, не обращая внимания на плач Маринки и возражения обычно мягкой и тихой сестры.

– ТЁТЯ! А ну поставила лопату откуда взяла и вон с нашей дачи! – рявкнула Настя. – Будет она мне тут ещё распоряжаться и ребёнка пугать! И так учинила непойми что, так ещё туда командовать приехала!

Эмилия много чего могла бы сказать, но… очень уж момент был для неё невыгодный, так что пришлось попросить сестру вынести ей сумку с вещами, которые она вчера привезла на дачу, и, шипя от ярости, отправиться на электричку.

– Вась, присмотришь за Кузей? – уточнил Петровский, собираясь с женой на дачу.

– Само собой! – кивнул Бошинов.

– Лады, тогда мы поехали разбираться с лешим и котёночком… – сформулировал Дмитрий, выходя из квартиры

за Настей.

Глава 6. Ехали мы ехали, жаль, уже приехали

Пока Петровские ехали, они изо всех сил старались придумать какую-то правдоподобную и правильную речь, которая убедила бы их дочь, что оставить такую компанию они просто не могут!

– Да ладно бы только котёнок! – вздыхал Дмитрий.

– Ей так не скажи! Придётся котёнка оставлять!

– Эээ, но можно же сказать, что котёнок так привык к собаке, что без неё не сможет!

– Тогда придётся обоих оставлять, а как выгуливать и… и всё остальное? – переживала Настасья.

Да, оба прекрасно понимали размер стихийного бедствия! Ободранные полы, углы, занавески, погрызенные ножки стульев и обувь, шерсть везде, уборки, необходимость которых с ходу возрастёт в несколько раз, расходы на корм для обоих животных, на ветеринара, прививки и глистогонные, на наполнитель кошке, на амуницию собаке, на лежанки, на…

– Много всего! – ворчала Настя.

– Да, а главное-то прогулки! – переживал Петровский.

– И не говори… и выспаться не получится! И в любую погоду…

– А отпуск! – спохватился Дмитрий.

– Да вообще ужас! – безнадёжно махнула рукой Настя. – И говорить не о чем, мы не можем!

– Точно не можем!

– Никак не получится!

– Ты абсолютно права!

Петровские переглянулись – доводы были совершенно разумными и правильными, только на душе от них почему-то становилось всё неприятнее и неприятнее.

– Мы же взрослые люди! – Петровский мужественно принимал удар на себя. – Мы должны думать!

– Обязаны вообще-то! – соглашалась Настя, покосившись на супруга.

– Главное, это Маришке объяснить… – пригорюнился глава семьи. – Я с ней поговорю.

– Да ладно… я сама поговорю, – Настасья подозревала, что её здоровенного, сильного и умного, серьёзного во всех отношениях мужа их пятилетняя дочь «сделает» одним махом! В моральную креветочку свернёт!

– Давай вместе поговорим! – предложил Петровский, затосковав о том, что вместо выходного не взял какое-нибудь сложное и трудное задание!

А что? Да он бы лучше поработал бы на задержании каких-нибудь расхитителей концерновской собственности, чем вот это вот всё! Но… он не имел привычки бросать на амбразуру жену, так что честно собирался участвовать в беседе с дочерью.

Приехали быстро, даже слишком быстро – как назло, основной поток дачников, рвущихся за город, уже давно иссяк.

Петровский остановил машину у ворот, покосился на На-

стасью.

– Ну пошли?

– Да… деваться-то некуда! – констатировала она. – Ты, главное, держись. Сразу не разрешай, а то знаю я тебя.

– А я что? Я ничего!

– Ага, а таракана кто разрешил?

– Насть, а вот с ним хорошо вышло, кстати! – рассмеялся Петровский. – Я не знаю, что сделал бы с твоей тёткой, если бы она вломилась в нашу спальню, чтобы проверить, нет ли там какой-нибудь бабы! Скорее всего, спросонья да на рефлексах, швырнул бы её куда подальше…

– Если что, главное не в окно, у нас высоковато… – деловито произнесла Настасья. – А в коридор бросай себе на здоровье! Даже если она чего-то себе ушибёт, моя родня тебе по гроб жизни благодарна будет!

– Эээ, ладно, учту! – кивнул Петровский.

Тут калитка скрипнула и сбоку возникла лохматая головёнка Маришки, крайне укоризненно воззрившаяся на родителей:

– И чего вы тут стоите? Я вас тут так жду, изо всех сил жду, а вы?

– Да мы уже идём, сейчас я только машину загоню! – заторопился Петровский, переглядываясь с женой, которая потихоньку сжала его руку в знак поддержки и единения против семейной проблемы.

Маринка смерила родителей подозрительным взглядом и

важно удалилась.

– Эх… скольких же проблем можно было избежать, если бы я не забыла проверить, – Настасья кивнула на калитку.

– Не расстраивайся! С нашей везучестью, Маринка нашла бы их под ближайшим кустом и всё равно приволокла бы! – Петровский никогда не «кидал камни» в жену, впрочем, это было взаимно.

Есть проблема – они будут решать её вместе, а все эти «это ты виноват – это ты виновата» ни к чему хорошему не приводят.

– Ладно, машину потом загоним, пойдём уже! – решился Петровский, проходя во двор.

Проблема так и находилась на веранде в окружении всевозможных мисочек и тарелочек – около одной из них сидел очень тощий, ушастый серо-полосатый котёнок и ел мелко покрошенное куриное мясо.

Рядом лежала здоровенная собачища и облизывала край миски. Для того, чтобы смахнуть все кусочки курицы, собаке нужно был всего одно движение языка, но язык проходил по краю, слизывая бульон и не касаясь основного блюда.

При виде незнакомых людей котёнок моментально взвился и юркнул за пса, а тот начал с трудом подниматься на лапы, одновременно отступая к качелям.

– Лешик, не вставай, у тебя же лапочка болит! – пискнула Маринка.

Лапа пса явно беспокоила, но он всё равно поднялся и

встал так, чтобы закрыть собой котёнка.

Петровские переглянулись – оба помнили, как пёс лаял на Эмилию, а вот сейчас он и не думал шуметь, словно сообразил, что приехали хозяева дома. Люди, во власти которых выкинуть и его, и его кошечку за забор и больше никогда про них не вспоминать.

Он стоял, опустив голову, ожидая уже привычные слова: «Мы не можем его оставить» или «Да куда такой здоровый? Нет-нет, это даже не обсуждается!», а чаще всего «А ну пшёл отсюда вон! Вон, тебе сказано!»

Пёс прекрасно помнил, как он жил дома, как его люди говорили что-то вроде:

– Такая прекрасная сука жесткошёрстного пойнтера и такое безобразие с вязкой… откуда взялся тот дворняга? Как ты вообще могла не уследить за собакой?

– Да это же ты двери оставил открытыми! Откуда я вообще знала, что она за мной выскочит? И вообще, это твоя собака! Сам бы за ней и следил!

– Я и следил! Но ты… а… ладно, куда теперь девать это страшилище?

Щенок не понимал тогда, что страшилище – это он, единственный из помёта, оставленный, чтобы «мастита у суки не было». Когда стало понятно, что опасность мастита миновала, была уже зима, и его первые хозяева милосердно пристроили щенка своему знакомому, который очень хотел «как-нибудь съездить и поохотиться».

Следующие несколько месяцев щенок жил у этого человека, радовался хозяину, старался учиться щенячьим премудростям, а потом услышал то же самое, смутно знакомое слово «страшилище»:

– Где ты взял это страшилище? Подариииилии… ну понятно! Ты же говорил, что охотничью собаку взял. А где она? Чё? ВОТ ЭТО? Да тебя облапошили! Это какая-то помесь бульдога с носорогом! Да, смахивает на ирландского волкодава, но скорее всего пойнтериха с кем-то гулянула. Вот ты облажался! Дратхаара с каким-то чудищем перепутать!

– И чё теперь делать? – растерялся человек, который ужасно не любил быть облапошенным, а на того, кто, по его мнению, был в этом виновен, то есть на пса, смотрел уже как на личного врага.

По какой причине щенок, вымахавший в голенастую высоченную собачищу, выращенный им, любящий его, стал в чём-то виноват, человек не задумывался! Идея теперь была только одна – как срочно избавиться от причины своей неудачливости, которая вызывает усмешки в кругу людей, в который он хотел попасть?

Был бы задан вопрос…

– Да в чём проблема-то? Пинком под зад и всё! – легко посоветовали ему. – А чё? Вон я жил в Испании, так там все так делают! Сезон-другой поохотились и не нужны! Не понимаю эту дурацкую слюнтявость! Человек – царь природы, а собака – это инструмент, не больше того! Если он испор-

тился или не нужен, его выкидывают и берут новый!

Примечание автора: уважаемые читатели! Это, к сожалению, чистая правда. Да, в Испании охотничьи собаки породы испанский гальго используются два, от силы три сезона, а дальше они выбрасываются или их просто убивают хозяева. Эти случаи массовые – в год порядка двадцати тысяч собак (20 тысяч), многие называют и бо́льшие цифры... Да, это происходит в Евросоюзе в настоящее время – я ничуть не придумываю и не наговариваю – конце-то концов, эту информацию очень просто уточнить… Так что собеседник «хозяина» был вполне в курсе реалий.

Совет был дан, совет был принят…

Пса, да какого там пса, по сути, ещё щенка-подростка, отвезли в лес «погулять», бросили палочку, а потом он долго мчался за машиной с этой проклятой палкой в зубах, надеясь, что это просто недоразумение! Не может же высшее, самое лучшее, самое любимое и прекрасное существо уехать и оставить его одного?

Оказалось, что может.

Какое-то время щенок надеялся, что хозяин за ним вернётся, сторожил палку, боясь отойти от того места, где его оставили, а когда от голода начало подводить живот, попробовал пойти и поискать что-то поесть. С этим было трудно – никто почему-то не хотел его покормить, а многие так просто кричали и махали на него всем, что под руку попадётся. За что? Он никак не мог понять – он же ничего плохого не

делал!

Правда, попадались и другие люди, которые его угощали хоть чем-то – кто-то булкой, кто-то половинкой бутерброда, кто чем. На этом долговязый и ещё неуклюжий собачий подросток и дожил до середины апреля. А потом, свернувшись комком в проливной дождь под лавочкой автобусной остановки, он встретил маленькую животинку, которой, пожалуй, было совсем плохо, даже хуже, чем ему самому. Её почти смывало водой с тротуара, и она пыталась найти хоть какое-то укрытие.

Укрытие было одно – под лавкой, но там сидело что-то огромное и явно ужасное. Котёнок сначала перепугался, но ледяная вода заполонила весь мир, она была и сверху, падая непрекращающимися крупными каплями, и снизу, доходя котёнку уже почти до груди, и кошечка решилась – из последних сил юркнула под лавку.

Она даже глаза закрыла, чтобы не видеть страшной морды, которая сейчас её просто съест, но вместо укуса ощутила, что её… вылизывают, высушивая холодную мокрую шкурку.

К утру дождь перестал, а из-под лавки выбрались двое – тощая маленькая кошечка и здоровенное худое страшилище собачьего рода. Больше они не разлучались – спали вместе, ели, что им удавалось найти или выпросить, а совсем недавно даже пережили встречу с каким-то человеком, вопящим что-то невнятно и страшное – он швырнул в пса половинку кирпича и попал по лапе. Да, к счастью, им удалось убежать,

но лапа болела, а сил, чтобы встать и куда-то идти, оставалось всё меньше и меньше.

В этот двор они забрели случайно – шли вдоль забора, а потом кошечка юркнула в какую-то щель, чудом образовавшуюся в непрерывной стене. Двор был тихим и выглядел безопасно, к тому же пахло там приятно, вот они и остались, а потом утром к ним примчалось настоящее, всамделишное счастье!

Пёс уже знал, что счастье не бывает долгим, если оно и встречается, то совсем на чуть-чуть, а потом – снова выгонят! Непременно выгонят, потому что никому не нужны страшилища! Он уже видел, как смотрят на него пришедшие люди. Видел и сжался, ожидая знакомого «пшёл вон!». Правда, не забыл, что за ним та мелочь, которую он грел всё это время, и которая в ответ грела его. Да, да, получалось совсем крошечное тёплое пространство, но больше-то у него никакого другого тепла и не было! Так вот, её надо было прикрыть любой ценой, вот он и прикрывал, несмотря на больную лапу и слабость.

– Мамочка! Папа! Только не прогоняйте их! Они же никому не нужны! Они погибнут! Мама! Только не прогоняй! Папочка! Пожалуйста! – Маринка подхватила котёнка, обняла за шею пса и заревела так, что пёс начал высвобождать голову из объятий, а потом… слизывать слёзы, капающие ей на руки.

Петровские опасливо посмотрели друг на друга – да-да-

да… они не собирались, они не могут, да, отпуск, прогулки, расходы, уборки, ремонт…

– А может… да пошло оно всё?! – тихо сказал Дмитрий. – Насть…

– Пошло! – решительно кивнула Настасья, очень чётко осознав, что если она сейчас надавит на мужа, то он, конечно, послушается.

Нет, вовсе не потому что подкаблучник – вот уж ни разу, а просто потому, что он понимает – основные заботы лягут на неё – он часто уезжает, а значит, гулять, заниматься, убирать и воспитывать будет она.

Да, он послушается, даже прикроет её, взяв на себя объяснение с дочкой – он всегда старается её прикрывать, а она поспешит ему на выручку, тоже как всегда, только вот самой-то потом как жить?

– И ведь уже не забудешь это! – поняла Настя. – И Маришка не забудет! А потом… вот как это, а?

Она смотрела на дочь, которую утешал никому не нужный, здоровенный и страшноватый пёс, у которого хватило сердца, чтобы оберегать и защищать котёнка и слизывать горькие и солёные капли с лапок практически незнакомого ему человеческого детёныша.

И как таких выгнать? Нет, вообще-то можно, конечно, дело-то нехитрое, только вот Настасья явственно ощутила, что вместе с ними покинет её и какой-то пусть и не очень большой кусочек чего-то важного… наверное, часть её самой.

– Ну уж нет! Такая собака нужна нам самим! – подумала она, покосившись на мужа. – Могу поспорить, что он думает примерно то же самое!

Настя подёргала Петровского за руку и кивнула на дочь:

– Ты – глава семьи, давай уже, командуй парадом! Сначала в ветеринарку или мыть?

– Сначала знакомиться! – выдохнул Петровский, уже просчитавший четыре схемы пристройства этой парочки, правда, все схемы были довольно зыбкими – не так уж много на свете мест, где с ходу будут рады таким питомцам.

– Маааамааа, пааапочкааа! – Маринка прилетела к родителям, преодолев расстояние между ними за три прыжка.

Прилетела как обезьянка, привычно устроилась на руках Петровского, обняла их обоих за шеи, посопела, глубоко вздохнула – от счастья, а потом шёпотом призналась:

– Я всегда знала, что вы самые-пресамые лучшие! А сегодня ещё знаннее стала!

Глава 7. Принимай и владей

Пёс опасливо смотрел на людей, которые вроде и выгонять его не торопились, но делали что-то странное.

– Насть, у нас какое-нибудь старое одеяло или покрывало есть? – Петровский освободил багажник и теперь раздумывал, чем бы его застелить, чтобы довезти до ветеринарки собаку.

– У нас всё есть, как в Греции, даже лучше!

– А почему лучше? – это было спрошено ради голимого

интереса – просто потому, что ему нравилось разговаривать с женой.

– Потому что больше, ширше, глыбже и обширнее! – важно произнесла Настасья, которая приволокла к машине два старых шерстяных одеяла и одно древнее, но целое и чистое покрывало.

– А знаешь, что самое забавное? – тихонько спросила она.

– Что? – Петровский примерился и выбрал покрывало – оно больше.

– Что мама уже всё это нам приготовила. И стопку старых полотенец – чтобы пса и котёнка вытереть, когда мы их обратно привезём и вымоем, и тазики – как миски для пса, и блюдечки для кошеньки, и подстилки им…

– Эээ? – удивился Дмитрий. – Ну вот откуда она знала?

– Она сказала, что сразу поняла, что мы их не прогоним.

Петровский усмехнулся – с тёщей он ладил расчудесно, понимал, что ему отчаянно повезло с мамой жены, которая воспринимала его скорее как сына, чем как что-то чужеродное и подлежащее низведению и растерзанию.

– А мы-то с тобой переживали…

– И не говори! – Настасья ощущала себя странно – как в детстве.

Словно это ей разрешили завести разом много-много счастья! Да, разумеется, серьёзная, взрослая и прагматичная часть натуры продумывала грядущие проблемы и трудности, но вот это детское ликование её просто переполняло!

Именно оно подтолкнуло её подойти к растерянному псу, который, кажется, очень боялся поверить в то, что их не выгоняют, присесть рядом на качели и погладить его:

– Ты не бойся! – шепнула ему Настасья. – Мы вас не бросим, вы у нас жить будете.

Она не очень-то верила в то, что пёс как-то среагирует на её слова, но он с трудом развернулся, заглянул ей в лицо, а потом взял и положил лохматую морду, похожую на жёсткую растрёпанную половую щётку, ей в ладони.

– А вот так вот… Принимай и владей! – подумала Настасья, с трудом сдерживаясь, чтобы не расплакаться – она вообще не любила делать это на людях. – Можно сказать, доверил всего себя!

Рядом сопела Маришка, прижимаясь к боку и наглаживая разомлевшую от ласки и сытости кошечку, пёс норовил закрыть глаза и, кажется, собирался уснуть – видимо, ужасно перенервничал, изголодался и устал, вот и расслабился разом, а через балясины веранды на всё это смотрел Петровский и широко улыбался – он нечасто видел свою обычно собранную и боевитую супругу в таком настроении.

– Так, граждане, нам бы к ветеринару съездить! – напомнил он коллективу на веранде. – Маришка, поедешь с нами?

– Конечно! – с готовностью вызвалась дочь, и это, кстати, был подвиг – в машине её сильно укачивало.

Пёс долго не мог уяснить, зачем ему надо лезть в багажник? Нет, с хозяином он ездил, конечно, но в салоне, у того

человека была совсем другая машина. А тут… зачем?

Острое подозрение, что его собираются отвезти подальше и выкинуть, напрочь снесло всю блаженную расслабленность, в которую он чуть было не провалился совсем и окончательно.

– Да не бойся ты! – уговаривала его Настасья, а потом переглянулась с мужем: – Наверное, его как-то так выбросили – из машины. Полно же таких случаев.

– Похоже на то, – согласился Петровский.

– Ладно, давай я его в салон возьму. Ты мне кресло отодвинь подальше, меня и пол застелем покрывалом, и я его у ног посажу.

Дмитрий посомневался было в необходимости застеливания покрывальцем его супруги, но спорить не стал. Как выяснилось, очень правильно, потому что пёс согласился ехать в машине только сидя сусликом и уложив очень грязную переднюю часть тела на Настины колени – видимо, так было не очень страшно.

– Так, а как с котёнком быть? – озаботился Петровский.

– И очень просто! – важно заявила Маринка, усаживая крохотную кошечку между передних лап пса. – Лешик её друг, так что она тут и доедет.

И, кстати, она оказалась права – котёнок замер между лапищ Лешика, уткнувшись мордочкой в его шерсть, и даже не пробовал куда-то бежать.

В ветеринарной клинике Лешику сделали рентген и их об-

радовали:

– Нет-нет, это не перелом, видите, на снимке кости целы? Конечно, тут сильнейший ушиб, обширная гематома. Видимо, камень швырнули или палкой попали, а потом у него не было возможности отлежаться, ещё и натрудил лапу. Ему нужны несколько дней ограниченной нагрузки, хорошее питание, витамины – наскитался он знатно – все рёбра можно пересчитать, да и явно простужен был, похрипывает.

Псу делали уколы, отчего на его косматой морде возникало выражение панического ужаса – он косился на ветеринара, смешно зажмуривался и складывал уши, но не пытался как-то укусить или вырваться, причём Петровский был уверен, что это не из-за намордника, который ему купили и надели сразу же.

– Да он молодой совсем, месяцев семь – семь с половиной, – рассказывала врач.

– А котёнок?

– Около трёх, но мини-вариант. Недокормыш – мелковатая для этого возраста. Тоже истощена и подпростыла – ещё бы, погода-то какая была. Но это мы легко подлечим.

– А у вас случайно грумера сегодня нет? – Петровский не представлял себе, как в дачных условиях вымыть простуженную и травмированную собаку.

– Нет, у неё сегодня выходной, но у меня помощница с удовольствием вымоет вам пса, всё равно сейчас у нас никого нет.

Так и получилось, что обратно на дачу приехал чистый-пречитый, благоухающий чем-то приятным Лешик, свернувшийся на застеленным пледом заднем сидении рядом с Маришкиным детским креслом, у него на боку лежала его личная миникошь, тоже вымытая и высушенная, а в багажнике ехало огромное количество всякой зоологической всячины.

– Слушай, ты покупки делать терпеть не можешь, – посмеивалась Настасья, – а тут прямо удовольствие получал, будто в магазин запчастей пришёл!

– Ладно тебе развлекаться, – хмыкал Петровский. – Тебе, по-моему, тоже приятно было!

– Если честно, то да! Сама удивилась.

Знали бы они, что это состояние удивления с ними останется теперь надолго…

– Ну ладно… пёс у нас Лешик, это к нему как-то сразу приклеилось, и он даже с ходу отзываться начал, а котёнок? Её-то как зовут? – осведомился Петровский, который наконец-то добрался до обеда и теперь наслаждался приятным ощущением сытости.

Все четверо покосились на угол под лестницей на второй этаж, где лежала толстенная подстилка, на которой сном абсолютно счастливых и до краёв уставших существ спали оба – и Лешик, и пока безымянная кошечка.

– А она – Мусь! – важно заявила Маришка, ощутившая прелесть выдумывания имён.

– Почему именно Мусь? – изумились родители.

А бабушка аккуратно уточнила:

– Может быть, Муся?

– Нет! Да вы что? Не видите? Она же вылитая Мусь! – Маришка удивлялась недоумению взрослых – ну как можно не увидеть таких элементарных вещей?

Сразу же понятно, что это Мусь, а не кто-то другой!

С Маришкой тактично решили не спорить – себе дороже. Впрочем, выяснилось, что на «Мусь» котёнок, как это ни странно, отзывается.

К вечеру Настасья не выдержала:

– Маришенька, а почему всё-таки Мусь? Ты где-то слышала это имя?

– Конечно! В садике, помнишь? Есть у девочки такой гусь по имени Мусь.

– Гусь… – и тут Петровская поняла, о чём речь.

Да, был у подружки дочери в детском саду игрушечный здоровенный гусь, одетый в футболку с надписью «Гусь-обнимусь». Маришка просто не уловила, что это было за слово, но решила, что как имя кошке оно очень даже подходит, вот и поясняла маме:

– Ну вот! Там гусь, а у нас котёнок – Мусь! Она же всё время с Лешиком обнимается! Она гораздо это делает лучше, чем тот гусь!

Перед сном Петровский вывел Лешика погулять. Гуляли солидно, в ошейнике, с поводком, с Мусью у хозяина за

пазухой – без неё пёс категорически отказывался выходить, оборачивался, жалко и неожиданно тонко поскуливал. Нет, можно было бы на него рявкнуть, заставить выйти, проявить силу, но Дмитрий понимал, что это всего лишь щенок. Да, здоровенный, но ещё совсем молодой.

– И зачем его пугать? Если ему пока спокойнее с Мусью, да и пожалуйста, мне не трудно – она ничего не весит, а за пазуху улеглась так, словно всю жизнь только там и перемещалась, да и убегать не собирается. Успеем мы ещё дисциплину наладить. Тут всему своё время.

Далеко не пошли, так… по улице до рощи, а потом назад – только чтобы пёс сделал свои дела и немного освоился с положением хозяйского, с одной стороны, а с другой не напрягал сильно больную лапу.

Ночью Петровский проснулся от жалобного скулежа, отправился уточнить, в чём дело, а потом увидел, что пёс-то крепко спит… да только дёргаются лапы, словно он куда-то бежит, но не может оторваться от всего того страшного и безнадёжного, что видел за свою недолгую жизнь.

Над Лешиком маялась разбуженная Мусь, которая не знала, как тут быть, и, кажется, уже собиралась постучать приятеля по уху – хоть так разбудить.

– Всё, всё, не бойся! – Дима уселся рядом и прикрыл ладонью голову пса. – Уже всё закончилось, тебе не нужно куда-то бежать и спасаться. Мы сами всех и догоним, и как спасём… а если надо, то догоним то, что от них останется!

Не трусь! Ты ж теперь не один!

Лешек разом затих, только посверкивали из-под чёлки глаза, а потом пёс шумно завздыхал, заперебирал лапами, подползая к человеку, и уткнулся ему в бок – так захотелось быть поближе.

На всю эту картину потихонечку любовалась Настасья, прокравшаяся за мужем:

– Вот сидит мой Петровский на собачьей подстилке, начёсывает млеющего под его рукой пса, которого знает всего-ничего, второй рукой, нет… двумя пальцами, потому что там головёнка мелкая, гладит Мусь, и я точно знаю, что сам тает от восторга.

К сожалению, выходные у Петровского как-то коварно быстро закончились, так что утром ему пришлось оставить всю дружную компанию на даче и отправиться в Москву на работу.

– Ты тут как? – поинтересовался он у напарника, входя в квартиру.

– Прекрасно! – отозвался Бошинов. – Мы с Кузей чудно провели время! А ты? Что там с Маринкиными находками?

– Что-что… у нас теперь есть пёс Лешик, производное от Лешего, миникошь Мусь, не спрашивай, почему так, и обещание моей дочери не бить твоего Мишку!

– И почему последнее у меня вызывает некие сомнения? – рассмеялся Бошинов, не подозревающий о великой засаде, которая образовалась в его жизни с появлением у напарни-

ка целых ДВУХ питомцев. – Чего-то я себе не представляю, чтобы эти двое встретились и Маринка Мишку не треснула ни разу.

– С учётом того, что она сегодня с утра молча съела фрикадельки, которые зовёт хрюкадельками и ненавидит всей душой… – глубокомысленно произнёс Петровский. – Мне стало казаться, что на свете практически всё может быть!

Вот это «всё может быть» он вспомнил очень скоро, стоило им с Бошиновым только приехать на работу и обнаружить, какое именно задание им поручается…

– Так! – начал инструктаж Игорь Палашов – первый зам Хантерова – начальника службы безопасности концерна. – У одного из директоров наших заводов есть дочь, ей начали поступать угрозы. Соответственно, её отец обеспокоился и обратился к нам за помощью. Дочери двадцать три года, зовут Устинья Валерьевна Фомина. Она художник, на днях у неё выставка в одной художественной галерее. Сегодня вы её забираете из квартиры, адрес я вам сейчас дам, везёте по указанному маршруту. Если она хочет в нём что-то изменить – работаете по ситуации.

– А что за угрозы? – поинтересовался Бошинов.

– За ней следят, подкидывают письма угрожающего характера, грозят физическими мерами воздействия, – пробубнил сухарь и педант Палашов. – Сами письма Устинья Валерьевна уничтожала, её отец смог передать нам только одно. Гм… неприятное письмо. Копию я вам перешлю.

– Какие меры можно применять к возможному злоумышленнику? – спросил Петровский.

– Пока нужно отследить, реально ли за ней идёт слежка и кто именно может угрожать. Дальше посмотрим. Разумеется, первая и самая главная цель – обеспечить безопасность объекта. Всё поняли?

– Так точно! – хором отозвались напарники.

– Исполняйте! – кивнул Палашов.

Глава 8. Бульканье богатым внутренним миром

Устинья Валерьевна Фомина готовилась к участию в выставке… Ах как ей бы хотелось, чтобы это была выставка персональная, в правильном месте, с правильными людьми, способными оценить её творения, с серьёзным и, разумеется, исключительно положительным отзывом критиков – а иначе и быть не может!

Но… увы, увы… пока это было всего лишь участие в творческой «сборной солянке» на территории одного из арт-клубов. Она бы и не полезла в эту низкопробную мешанину, если бы не её цель!

– И ничего ты мне не сделаешь! – усмехнулась она, припоминая звонки, сообщения, а когда она заблокировала контакт, и записки с угрозами. – Понял, гад такой? Ни-че-го!

Она выглянула в окно и увидела, как из припаркованной машины выбираются два шкафа – иначе не скажешь – здоровенные широкоплечие мужики очень серьёзного вида.

– Вот и хорошо! Явно мозгов ноль, но уж надавать как

следует Алексу сумеют! Отец говорил, что у них служба безопасности на высоте.

Прибывшие к дверям охранники были встречены мамой Устиньи и препровождены к объекту:

– Пожалуйста, только защитите её! – переживала Фомина-старшая.

– Не переживайте так, всё будет хорошо, – успокаивал её Бошинов, а потом, переглянувшись с напарником, осторожно спросил:

– А как вы думаете, о личности человека, который угрожает вашей дочери, она знает?

– Нет, что вы! Она с такими людьми не общается! – убеждённо ответила мать, правда, объяснить, с какими именно «такими», толком не могла, одно знала точно:

– У Тиночки прекрасный круг общения, она художница, очень талантливая, многообещающая. Понимаете, классического плана – она рисует только руками.

– А чем ещё можно? – удивился Петровский, у которого в памяти всплывали какие-то обрывки информации о странных людях, которые даже пятой точкой рисуют, более того, эти «картины» активно покупаются.

Примечание автора: этот вид «рисования» действительно существует.

Впрочем, выяснилось, что его собеседница имела в виду совсем другое:

– Да ведь сейчас всё заполонил искусственный интеллект!

А кроме этого – ремесленники, которые вырезают фотошопом картинки, приляпывают их в композицию, а потом раскрашивают на графических планшетах, понимаете? Это не художники, это так… дизайнеры какие-то. А Устинья всё рисует руками, как положено! – с гордостью заявила мать художницы. – Она создаёт истории и их сама иллюстрирует!

– Ааа, – с уважение протянул Бошинов. – Тогда понятно!

Когда из комнаты появилась сама художница, стало ещё более понятно – она была в светлой блузке, изрядно перепачканной красками.

– Тиночка, ты бы переоделась, – мягко напомнила её мама. – Мне уже пора на работу, ты же сама соберёшься, да?

– Конечно, мам, иди! – Устинья смерила взглядом своих охранников, а потом велела им:

– Вот эти свёртки возьмёте вы, а вот эти – вы!

– Извините, нет! – Петровский покачал головой. – Мы присланы для вашей охраны.

– Что? У вас руки отвалятся? – зло прищурилась Устинья.

– Нет, не отвалятся, но, если мы с напарником будет заниматься переноской ваших… картин, да? Это же картины?

– Да, – недовольно буркнула Фомина.

– Так вот, если мы будем их переносить, а на вас в это время нападут, то ни один из нас не успеет должным образом среагировать.

– А! Вы об этом… – Устинья пренебрежительно махнула рукой. – Сейчас ничего не будет…

– Так, то есть вы всё-таки знаете, о ком идёт речь? – насторожились и Бошинов, и Петровский.

Устинья недовольно поморщилась:

– Нет, конечно…

– А давайте мы с вами в комнату пройдём и побеседуем! – ни один из безопасников ни на секунду не поверил в то, что эта девица не знает того, кто ей угрожает.

Нет, правда, как бы повела себя девушка, на вид отнюдь не оторва, не мастер спорта по вбиванию зубов в плечи, не истеричная скандалистка при реальной угрозе от неизвестного? Явно бы не пыталась использовать охрану как носильщиков, отмахиваясь от разумных предупреждений!

Устинья фыркнула, но в комнату их пропустила, правда, тут же из неё выглянула, чтобы махнуть рукой уходящей по делам матери, а потом повернулась к охране и мрачно на них уставилась:

– И о чём нам с вами беседовать?

– О том, кто вам угрожает, – объяснил Бошинов.

– Я же вам русским языком сказала, что не знаю! Вы что, русский не понимаете? Могу по-английски сказать!

– Если правду, можете и по-английски, – согласился Петровский. – Даже по-немецки и по-французски можете – мы поймём. А вот врать не нужно.

– Что? Да как вы смеете? – разозлилась Устинья. – Вас прислали, чтобы меня охранять, вот и охраняйте, а будете оскорблять, я отцу позвоню, вас вообще уволят!

– Вась, набирай Палашова! – вздохнул Петровский.

– Кто это ещё такой? – Устинья гневно сверкала глазами на этих двух болванов, которые вместо того, чтобы помогать, начали её подозревать во вранье.

– Слушаю! – отозвался суховатый голос Палашова в смартфоне Василия.

– Игорь Игоревич, у нас тут объект явно знает, кто именно ей угрожает, но рассказывать не хочет, зато хочет, чтобы мы ей картины грузили… – объяснил Бошинов.

– Понятно! – Палашов прекрасно понял, что именно подчинённые хотели ему сказать. – Раз так, снимаем охрану. Её отцу я сам позвоню, а вы возвращайтесь.

– Да вы что! Да как вы так можете! – взвизгнула Устинья. – Я папе позвоню! Он вас уволит!

– Увольнение сотрудников, обеспечивающих безопасность, не входит в компетенцию вашего отца, – педантичная, правильная до скрипа на зубах речь Палашова, как-то разом утихомирила бушующую гневом Устинью. – Если вам действительно что-то угрожает, то вы обязаны рассказать детали, которые вам известны. Если вы пытаетесь использовать моих подчинённых в качестве носильщиков, то это означает одно – никакая опасность вам сейчас не угрожает.

– Так и есть, – крайне неохотно признала Устинья. – В данный момент и не грозит, он сейчас побоится подойти – у вас охранники здоровые, а он… ну, субтильный.

– Кто он? – тем же скучным голосом осведомился Пала-

шов. – Если вы не отвечаете, я отзываю своих людей! – напомнил Игорь Игоревич подзамолкшей Фоминой.

– Мой… мой бывший бойфренд, – наконец-то призналась Устинья.

– Письмо было от него?

– Да, он и звонил, и писал в мессенджерах и через соцсети. Я его везде заблочила, вот он и написал на бумаге.

– Почему он угрожает?

– Он… он не хочет, чтобы я участвовала в выставке… требует уничтожить работы!

– Причина?

– Он… тоже художник! Но так, как я, он не умеет рисовать.

– Понятно, – Палашов заметил, что при ответе на два последних вопроса их охраняемая явно притормаживала, скорее всего, говорила не всю правду, а может, и вовсе ложь.

Более того, он знал, что и Петровский с Бошиновым это заметили, а значит, учтут в работе.

– Просьба наших сотрудников грузчиками не делать – это вы думаете, что ваш бывший знакомый не нападёт, а им, если что, за вас отвечать. Вызовите водителя, он вам поможет, – распорядился Палашов. – Дмитрий, Василий, действуете по обстоятельствам.

«По обстоятельствам» – это такая всеобъемлющая формулировка, куда включается и то, и это, и пятое, и десятое, и даже несколько кусочков стомиллионного, конечно, если

потребуется, но… Но вот лекция о средствах художественного выражения, а также о тяжкой судьбинушке истинных художников в это явление была, на памяти Петровского и Бошинова, включена впервые.

– Понимаете… у нас люди тупые! – вещала Устинья с заднего сидения автомобиля. – Им только красивую картинку подавай, а я считаю, что главное в искусстве – внутренний мир художника! Вот возьмём «Чёрный квадрат» Малевича.

Бошинов и Петровский синхронно подумали о том, что брать ЭТО категорически не хотят, но увы… никто их не спрашивал, а выйти из машины и пойти пешком не представлялось возможным, равно как и заткнуть охраняемый объект силой.

– Так вот – это ценнейшее достижение искусства, потому что это – отражение внутреннего мира художника, его душевной драмы, глубины, понимаете?

– Угу, – по-совиному согласилась охрана, отчаянно надеясь, что если они согласятся, то продолжения лекции не будет.

Тщетные надежды – дева оседлала любимого конька и не собиралась прерывать процесс просвещения.

– Так вот, любое творение художника несоизмеримо ценнее красивенькой картинки, которую можно наляпать на планшете, или, тем более, сгенерировать в ИИ!

– Извините… а вот такое, тоже ценнее? – осторожно прервал лектора Бошинов, кивнув на эпохальную скульптуру,

установленную на набережной Москвы-реки каким-то художественным злодеем.

Огромная скульптура напоминала… гм… некую кучку чего-то. Возможно, что-то и символизирующую, но крайне неаппетитную.

– А! Это скульптура Урса Фишера «Большая глина №4»! – обрадовалась Устинья этой кучке, словно что-то родное и близкое увидела. – Ну, конечно, ценнее! Это же именно что отражение внутреннего мира художника, понимаете? Это его богатство, его внутренний конфликт, его развитие, его…

Бошинов затосковал, отчаянно жалея, что вообще рот открыл.

Петровский тоже затосковал, потому что был железно уверен, что заказчику, который нанимает художника, чтобы он нарисовал какой-то рисунок, как-то слегка плевать на богатство внутреннего мира этого самого художника, ему картина на заданную тему нужна, а не внутренние конфликты чужого человека.

Водитель вообще почти впал в транс, потому что они застряли в пробке, и, как назло, в аккурат напротив «Большой глины», прозванной в народе далеко не так… изящно. А ему, как человеку, далёкому от художественных самовыражений, всё это напоминало некие природные образования, которые остаются от его собаки на газоне, и которые он честно убирает.

И тут Бошинов, который чувствовал себя перед собратьями по несчастью слегка виноватым, сообразил, как исправить ситуацию:

– Устинья, а можно где-то посмотреть ваши работы?

– О, да! Конечно! У меня есть своё сообщество в соцсетях! Сейчас я вам всё покажу, пришлю ссылку! Это вот те работы, которые я везу на выставку! – она нежно оглянулась на багажник автомобиля. – Смотрите, ну как вам?

Петровский и Бошинов перелистывали на экранах «работы», которые вообще-то представляли собой… комикс. Да-да, герои что-то делали, куда-то бежали, общались, причём некоторые рисунки были настолько откровенными, что странно, как это сообщество не было заблокировано.

Особенно доставалось одному из персонажей – тощему типу с длинными тёмными волосами. Практически все рискованные моменты, унизительные и мерзкие для любого мужчины, происходили именно с ним.

– Это я вам сейчас платный раздел показываю, – пояснила Устинья, по-своему расценив их изумление. – В бесплатном, который доступен для всех, такого сейчас уже не выложить. Такое ханжество, да?

Оба её охранника промолчали – обоим категорически не хотелось бы, чтобы на что-то подобное наткнулись через несколько лет их дети.

– Ну и как вам? – не выдержала Устинья.

– Эээ, везде очень чётко прорисовано лицо… у некоторых

персонажей… – обтекаемо отозвался Петровский.

– Да, это прямо моя гордость! – довольно рассмеялась Устинья. – Я хорошо потрудилась! Теперь вы понимаете, да? Внутренний мир – вот что главное и ценное!

На смартфон Петровского пришло сообщение от Бошинова, он покосился на экран и согласно кивнул, благо знал, что напарник увидит его ответ на послание: «Сидит такая и булькает своим богатым внутренним миром».

Насколько Василий был прав, они оба поняли, когда машина наконец-то доехала до арт-клуба и мрачный водитель начал выгрузку «предметов искусства», на которых был щедро излит внутренний мир Устиньи.

Стоило только водителю занести последний свёрток в приоткрытую дверь, как сбоку вывернулся какой-то худощавый парень. Он быстро подскочил к свёрткам, одним махом резанул плотную бумагу, их упаковывающую, и начал поливать содержимое чем-то из пятилитровой канистры:

– Я тебя просил! Я тебя предупреждал! – крикнул он. – Я сказал, что я всё это уничтожу!

– Что вы стоите? Хватайте его! – завопила Устинья. – Он… он же напал и испортил мои картины!

Впрочем, парень и не собирался бежать и скрываться, он тряхнул длинными волосами, собранными в низкий хвост, и мрачно уставился на охранников.

Петров и Бошинов переглянулись – оба сразу узнали этого человека…

– Да уж, так своему бывшему ещё никто не мстил, – почти беззвучно сказал Петровский.

– Ага, объект наш расстаралась на совесть, да ещё на выставку ЭТО приволокла. И что со всем этим делать?

Глава 9. Вопрос и ответ

Вопрос «Что делать?» периодически возникает у всех людей, но в данном случае очень длительные размышления на эту тему были чреваты…

Нет-нет, никакая опасность объекту охраны не грозила, это и для Петровского, и для Бошинова было абсолютно очевидно. Напротив – это объект, осознав, что её бесценные отпечатки внутреннего мира превращены в грязные куски бумаги, пропитанные растворителем для краски, ринулась на «злоумышленника».

– Да ты… да я тебя сейчас! – взвизгнула она, явно планируя графически отрихтовать тому физиономию.

Парень только руки вскинул, чтобы перехватить вопящую фурию, на что она, вспомнив, что тут у неё охрана имеется, заблажила:

– Что вы стоите? Хватайте его! Он же мне все работы испортил! Он же на меня нападает!

– Эээ, Устинья Валерьевна, это вообще-то вы на него нападаете, – флегматично отозвался Петровский. – А охранять ваши работы мы и не обязаны. Нас прислали исключительно для вашей защиты.

– Вот и защищайте! Сделайте же уже с ним что-нибудь!

По мнению напарников, с парнем «что-нибудь» сделать можно было запросто – по-мужски ему посочувствовать! Правда, оба сильно сомневались, что это устроит объект.

– Звоню Палашову! – вздохнул Бошинов. – Пусть он разбирается.

– Да что там разбираться! Он испортил мои картины! Вызывайте полицию! Пусть его арестуют!

– А вы готовы отвечать по иску об оскорблении чести и достоинства? – тихо и вкрадчиво уточнил Петровский, так, чтобы слышала только Устинья.

– Что?

– Вы неоднократно изображали этого молодого человека в крайне оскорбительном для него виде, и он вполне может подать на вас в суд! – так же тихо ответил неразумной особе Дмитрий, с некоторой завистью поглядывая на напарника – ну вот почему Вася разговаривает с исключительно нормальным, вменяемым, умным мужиком, а ему опять досталось что-то… странное.

Бошинов побеседовал с начальством, покивал головой, словно Палашов мог его видеть, и передал распоряжения Игоря Игоревича:

– Велено с Устиньей Валерьевной, её… картинами и молодым человеком ехать в управление.

– Я никуда не поеду! – независимо отозвался парень.

– Ладно, тогда вызываем полицию – записку-то с угрозами вы Устинье Валерьевне писали? Писали! Ну так что? –

осведомился Василий.

– Хорошо, но в одну машину я с ней не сяду!

– Да ты! Тыыы… – заверещала оскорблённая Устинья, правда, тут же заткнулась, потому что из двери вышли несколько человек, с удивлением уставившихся на испорченные картины в бумажных промокших от растворителя свёртках и компанию, стоящую вокруг них.

– Юся, что это? – наигранно изумилась фигуристая девица в чёрно-белом балахоне с мелким буквенным принтом, отчего она казалась завёрнутой в разворот какой-то огромной газеты. – Это же… ой, дай угадаю… это твои картины, которые ты нам обещала показать? Правда, они, похоже, того...

– Да! Ещё говорила, что это просто бомба, и что кто-то рыдать горючими слезами будет и у тебя в ногах валяться? – хихикнула её спутница – худощавая, с мелкими чертами лица и прищуренными глазами, облачённая почему-то в подобие фрака.

Обе, судя по всему, отлично знали, что было на картинах, поэтому уставились на парня и жадно ожидали от него какой-то реакции. Впрочем, ни рыдать, ни падать в ноги Устинье парень не торопился, зато, обратившись к Бошинову, заявил:

– Я серьёзно… в одну машину я с ней не сяду, могу такси взять…

– Я уже вызвал, – отозвался Василий. – Я еду с вами.

– Боитесь, что сбегу? – невесело хмыкнул бывший молодой человек Устиньи.

– А у меня есть основания вам верить? – пожал плечами Бошинов и добавил: – Канистру захватите. Чего тут мусор оставлять…

Устинья явно была против столь мирной беседы. Она, оскорблённая порчей вместилищ собственного «богатого внутреннего мира», всё пыталась выкрикнуть что-то оскорбительное, добраться до «злоумышленника», но Петровский бдил – перехватывал её броски, аккуратно отодвигая нервную деву к автомобилю.

Испорченные картины пришлось упихать в огромные мусорные мешки, рулон которых, к счастью, был у водителя, иначе в машине просто невозможно было находиться – запах растворителя был невыносимый.

– Завяжите, пожалуйста, поплотнее! – кротко попросил водитель Петровского. – А то надышимся и потравимся ещё...

Он хотел было добавить, что, судя по всему, дело не только в растворителе, но и в содержимом картинок, но разумно не стал этого делать – молчание-то завсегда золото!

Устинья об этой расхожей истине ничегошеньки не знала, так что всю дорогу трещала по телефону, жалуясь всем знакомым на негодяя, который испортил её бесценные работы!

– Да, представляешь? Алекс пришёл и вылил на них растворитель! Да у меня даже охрана была, но ничего они не

сделали! – тут следовал гневный взгляд в сторону невозмутимого Петровского. – Они вообще стояли как… как два истукана! Да, вот сейчас едем к их начальству, будем разбираться! – важно вещала она, покашливая от едкого запаха, проползающего из багажника в салон. – Алекс? Я буду настаивать на том, чтобы его вообще посадили, или… пусть выплачивает мне компенсацию!

Следующий звонок был, видимо, кому-то, кто имел некое отношение к юриспруденции, потому что, после вышеприведённого щебета, Устинья вдруг заинтересовалась:

– Мне тут сказали, что этот гад может на меня в суд подать! Типа за оскорбление! Прикинь? Вот бред, да? – ей что-то начали говорить, и Устинья как-то напряглась:

– Да ладно… ну и что, что похож? Это просто так вышло. Ну да… много раз так и вышло! Нет, что любое сходство случайно, я не писала. А что? Надо было? Да ладно… а я и не знала. Ну всё равно это неважно!

В такси, ехавшем ровно за автомобилем концерна, и разговоры были иными:

– Как вас зовут? – негромко спросил Бошинов.

– Алексей Яров, – представился молодой человек.

– Может, расскажете, что вас сподвигло заниматься порчей чужого имущества? – предложил Василий, незаметно включая запись на смартфоне.

– Я… мы с Устиньей вместе учились и какое-то время близко общались, а потом расстались. По моей инициативе.

Она оскорбилась и решила отомстить. Вы… вы же видели её художества?

– Гм… да. Некоторое количество видел.

– Тогда вы меня поймёте! – уверенно кивнул Яров. – Да я бы плюнул на это, не хватало мне ещё всякие глупости рассматривать, но она решила приволочь эту гадость на сегодняшнюю тусовку, а там почти весь наш бывший курс… Все, конечно, меня узнают!

– Н-да… ситуация, – хмыкнул Бошинов. – А почему вы думаете, что ещё не все это видели?

– Да с ней мало кто ладит, поэтому из наших практически никому и в голову не пришло заходить на её платную страницу. А уж на выставке-то она бы всем эту мерзость предъявила.

***

Откровения Алексея были отправлены Палашову вместе с фото «злоумышленника» и ссылочкой на «весёлые картинки» авторства Устиньи. Игорь некоторое время рассматривал эти художества, а потом отправился к Хантерову:

– Кирилл Харитонович, у нас могут быть проблемы… Объект, который охраняется Петровым и Бошиновым, может оказаться в центре некрасивого скандала, а уж потом в него и Фомина запросто втянут.

– В чём дело? – заинтересовался Хантеров, а прослушав откровения бедолаги, который попался в натурщики к Устинье, покосившись на его фото, а потом узрев комикс, Хак,

поморщившись, велел:

– Сегодня отчётный совет директоров, отец этой… художницы у нас на территории, пригласи его ко мне!

Валерий Эдуардович Фомин, получив вызов от Хантерова, встревожился:

– Что-то с Устиньей? Что случилось?

– Нет-нет, с ней всё нормально. Не надо ей пока звонить, – уверенно прервал родительские метания Палашов. – Вы пообщайтесь вначале с Кириллом Харитоновичем.

Кто такой Хантеров, в концерне знали все… Фомин вошёл в святая святых службы безопасности с некоторым трепетом – не мог понять, что именно послужило поводом для приглашения на беседу:

– Присаживайтесь, Валерий Эдуардович, присаживайтесь. Я хотел у вас спросить, а вы в курсе, что именно рисует ваша дочь?

– Ну, конечно, в курсе! – облегчённо рассмеялся Фомин. – У нас вся квартира и дача завешаны её картинами.

– Вот такими? – невинным тоном уточнил Хак, выводя изображение на большой экран, так сказать, для пущей наглядности.

– Эээ… – любящий отец подзавис и даже голову склонил набок, став изумительно похожим на озадаченного пса. – Это что?

– Это творения вашей дочери, которые находятся в платном доступе на её странице в соцсети, – любезно пояснил

Хак. – Насколько я понимаю, они там до первой жалобы в Роскомнадзор. После этого её страница будет навсегда заблокирована. Но это ещё полбеды.

– Дааа? – выдохнул Фомин.

– Да! – твёрдо ответил Хак. – Лицо… гм… самого неудачливого персонажа её историй видите?

– Виж… Погодите, но это же Лёшка! Алексей Яров! – изумился несчастный отец, перейдя от общего морального шока к частному.

– Да-да, это бывший молодой человек вашей дочери, он же её сокурсник, и он же написал записку с угрозами, которую вы нам предоставили.

– Лёха? – Фомин соображал как-то медленно, плоховато, с трудом отрывая взгляд от безусловно похожих изображений Лёхи, с которым на картинках что только не происходило, и всё какое-то крайне неприглядное.

– Да, именно! – Хантеров вообще-то сочувствовал своему собеседнику.

Лично ему было бы крайне неприятно узнать, что его дочь марает руки подобными… картинками, да ещё и таким образом мстит бывшему. Но… сочувствие сочувствием, а работа работой!

– Короче говоря, Устинья Валерьевна решила отомстить молодому человеку, прервавшему их общение, таким вот… нетривиальным образом. Но ей мало было это всё нарисовать и выставить в соцсетях, пусть даже в закрытом сообще-

стве, она хотела, чтобы все знакомые Ярова увидели его в таком… малоприличном виде, поэтому собрала бумажные версии этого вот, – Хак кивнул на экран, – и решила их выставить там, где должны были собраться все их с Алексеем бывшие однокурсники.

– Поэтому он ей и угрожал? – дошло до Фомина.

– Судя по записке и предыстории, не столько ей, сколько её идее публично это показать, – любезно пояснил Хантеров.

– Гм… и Устинья ЭТО выставила?

– Нет, Яров облил упаковки с картинами растворителем.

– Дочь… она не пострадала?

– Нет, она бросалась на Ярова, но он её и пальцем не тронул. Зато запросто может подать на неё в суд. Я нигде на её страницах не обнаружил и подобия фразы о том, что все герои вымышлены и любое сходство случайно, хотя, с хорошим юристом, не факт, что и это избавит вашу дочь от проблем.

С этой точки зрения Фомин вопрос не рассматривал, а вот посмотрел, и так ему не понравилось увиденное…

– Да-да, – кивнул Хак. – Если начнётся шумиха, а вы сами понимаете, что это возможно, особенно с учётом того, что наши конкуренты приобрели одно очень скандальное желтушное издание вместе с журналистами, то к вам возникнет много вопросов. А раз к вам, то и к нам…

Хантеров преотлично понимал, что любые вопросы к Фомину, наоборот, могут возникнуть из-за того, что он один

из директоров концерна, а значит, уязвим и «вкусен» – одни только вопросы из серии: «как вы воспитывали дочь, что она рисует такую гадость» или «зажравшиеся богатеи наплодили мажорок, а те оскорбляют приличных людей и развращают окружающих» чего стоят!

Фомину уже померещилось, что у него в ушах шумят выкрики журналистов, прорвавшихся на судебное заседания – он вообще был склонен несколько забегать вперёд.

– И где она? – слабым голосом спросил Фомин.

– Охрана везёт её и Ярова сюда. Разумеется, в разных машинах.

– Бедный Лёха… – вздохнул Валерий Эдуардович. – Парень хороший, трудяга, но не сошёлся во взглядах с моей… Он вовсю берёт заказы, хватается за любую возможность заработать, а Устинья только носом крутила, мол, всё, что он делает, это не картины, и он не художник, а так… пустое место без внутреннего мира.

Хантеров покосился на экран и выключил его – неприятно было даже краем глаза видеть те изображения.

– Спасибо, – понуро кивнул Фомин на пустой экран – ему тоже увиденное крайне не нравилось. – Я так понимаю, что… – он покосился на потолок, явно намекая на главу концерна. – Что Пётр Иванович про это узнает?

– Всё будет зависеть от последствий. Если вы сумеете объяснить дочери, что ВОТ ТАК делать не надо, и сможете уладить вопрос с возможными претензиями Ярова, то я не вижу

необходимости загружать Петра Ивановича Миронова такими вопросами, – объяснил Хантеров, которому было исключительно интересно, каким образом Фомин будет справляться со своей мстительной дочуркой.

– Мужик порядочный, работает как вол, с производства ничего не тащит, откатов не берёт, родственников на хлебно-денежные места не пристраивает, да и вообще, грамотный и знающий производственник! – размышлял Хантеров. – А что дочь так взбрыкнула… ну, бывает. В конце концов, сложно представить, что отец будет просматривать все профили и закрытые страницы взрослой и совершеннолетней девахи. Вот и посмотрим, сможет он её в чувство-то привести или нет?

К моменту приезда разъярённой Устиньи, которая в дороге начала продумывать сюжеты новых приключений несчастного персонажа с узнаваемой физиономией, в сопровождении Петровского, и такси с Алексеем и Бошиновым, к их встрече уже была готова переговорная – об этом попросил Фомин.

– Пап, а ты здесь что делаешь? – удивилась Устинья.

– Да вот… пригласили меня полюбоваться на твоё творчество, – горько усмехнулся Фомин. – Я посмотрел и пребываю в шоке! Много от тебя слышал о твоём внутреннем мире, но не знал, что он у тебя так заср… в смысле, грязен!

– Папа, как ты можешь! – ахнула Устинья.

– Запросто! Посиди пока тут! – отец кивнул на мягкие

банкетки у входа в переговорную. – Алексей, зайди, пожалуйста!

Наверное, Устинья думала, что отец будет ругать негодяя-Ярова, только поэтому и послушалась, усевшись на банкетку. Но… но вышел Алекс с широченной довольной улыбкой на лице, крепко пожал руку её отца:

– Я буду очень рад сотрудничеству, – сказал он Валерию Эдуардовичу. – После праздников, как договорились, я приеду к проходной!

Ему повезло, что Устинья была в шоке. Только поэтому она и смолчала – пыталась найти с ходу растерявшиеся слова, зато, когда нашла…

– Что? ЧТО всё это значит? – прошипела она.

– Дома поговорим, – сурово перебил её отец.

– Дома? Никакого дома! Объясни мне сейчас! – она топнула ногой.

– Ну хорошо, зайди! – Фомин кивнул на переговорную.

А когда дверь закрылась, он чётко, ясно и жёстко объяснил Устинье, что любое действие может иметь свои последствия, что её картинки – нарушение закона, даже если они спрятаны в платный раздел, что, кроме этого, они – оскорбление, за которое можно вполне-вполне получить кое-что неприятное, но и это ещё не всё!

– Если из-за этого будет огласка, мне придётся уволиться. Как ты думаешь, кто будет в этом виноват? И что будет с твоими доходами? – Фомин был достаточно опытным пере-

говорщиком, чтобы аккуратно подталкивать крайне раздражённую дочурку к нужному ходу.

И этот ход не замедлил явиться:

– Да не нужны мне эти деньги! Я сама заработаю! – зло сощурилась Устинья.

– И чем же?

– Моими картинами!

– Вот такими? – Фомин встряхнул мусорный пакет, из которого истошно запахло растворителем.

– Нет, – неохотно процедила Устинья, которая, несмотря на все эмоции, уловила информацию о возможных судебных разбирательствах и блокировке её страничек Роскомнадзором. – Я буду брать заказы. Мне хватит!

– Ааа… даже так? – хмыкнул Фомин. – То есть я тебя могу не спонсировать? Ты типа сама заработаешь?

– Да! Заработаю! Уж не сомневайся, и на жизнь хватит, и на всё!

– Чудесно, чудесно. Попробуй. Кстати, можешь в мамину двушку переехать. Для чистоты эксперимента. Ну, почти для чистоты – аренду за квартиру и квартплату же тебе платить не надо…

– Да я на всё заработаю! – фыркнула Устинья, не подозревая, что топает прямиком в мышеловку! – Я вот возьму и сниму у вас ту квартиру!

– А заплатить-то есть чем? – хмыкнул отец.

– Заработаю!

– Ааа, тогда ладно.

– Только вот скажи мне, как это так вышло, что ты Алекса куда-то позвал?

– А что такое? – удивился Фомин. – На работу я его позвал.

– Кем? Слесарем? Уборщиком? – рассмеялась Устинья.

– Зачем уборщиком?

– Да он же больше ни на что не годен!

– Позвал я его дизайнером. У нас была вакансия открытая.

– Ах, дизайнером… – расхохоталась Устинья. – Понятно. Это правильно! Он ни разу не художник, так, только и годится в ИИ картинки красивенькие генерировать и на них чего-то приляпывать в фотошопе.

Фомин не сказал дочурке, что ему как раз результаты работы Ярова очень нравятся, да и для дела прекрасно подойдут! А ещё им подойдёт работоспособность парня, его умение читать задание и воспринимать пожелания заказчика.

– От Устиньи-то этого не добиться… ну что ж… пусть попробует. Ей это только на пользу будет! Раньше начнёт сбор шишек, раньше закончит! – решил Валерий Эдуардович.

Глава 10. Семейный совет

Разумеется, разговор с супругой недёшево дался Валерию Эдуардовичу. Собственно, он ничего иного и не ожидал:

– Как же так, кровиночку да на вольные хлеба, да без помощи… – вздыхал он, слушая возмущённые аргументы же-

ны. – Да-да, и ремонта там не было уже лет десять, и дитятко готовить не любит, и никак невозможно без содержания крошечку отправить аж за тридевять земель, аж в Черёмушки!

Фомин разумно давал жене высказаться, ничего не говорил, не возражал, но ключевые моменты её речи фиксировал, посмеиваясь про себя – главный-то козырь его разлюбезная вторая половина пока не видела.

Елена Сергеевна Фомина на мужа злилась чрезвычайно!

– Вот ещё придумал такие глупости! Да куда её отправлять, зачем? Нет, если бы она замуж собралась, или сама захотела пожить самостоятельно, я бы ни слова не говорила, это нормально и правильно, но почему Валера сам вдруг решил затеять такую ерунду? Да к чему бы это?

Вслух она пыталась забросать супруга доводами о недопустимости его идеи, а вот когда дошла до:

– А потом… такой эксперимент помешает её творчеству! Сколько времени она будет тратить на всякие бытовые мелочи…

Муж неожиданно рассмеялся:

– Леночка, а я вот не против, чтобы она больше времени отдавала реальной жизни, а не своему, с позволения сказать, рисованию!

– Валера! О чём ты! Она талантливая художница!

– Правда? Отчасти ты, конечно, права… – с сомнением протянул Фомин, оттягивая момент истины для лучшего «дохождения» этой самой истины до адресата.

Супруга, разумеется, ожидаемо вцепилась в его возмутительную фразу и разнесла её на атомы.

– Милая, а ты видела художества, которые Устинья выкладывает в своей закрытой группе? – вкрадчиво осведомился вредный Фомин.

– Нет, какая ещё закрытая группа? – недовольно фыркнула Елена Сергеевна. – Не видела, но уверена, что там тоже очень талантливые рисунки!

– Безусловно, и особенно талантливо передано сходство… – Валерий Эдуардович даже специально не на смартфоне начал показывать супруге «талантливые рисунки», а открыл вкладку с закрытой группой на компьютере. – Вот посмотри сама!

Если совсем честно, то он и сочувствовал Алексею, и отчасти даже доволен был, что Устинья зашла так далеко в попытке задеть своего бывшего молодого человека – если бы не это, ему было бы гораздо сложнее впечатлить супругу.

То, что она впечатлилась, было видно невооружённым глазом – широко распахнулись прищуренные от ярости глаза, приоткрылся рот, рука потянулась к горлу, словно ей не хватало воздуха.

– Валер, что? Что это? – прошептала она. – Откуда эта… неописуемая гадость?

– Это как раз та закрытая группа нашей талантливой дочери, куда она вываливала вот это, чтобы побольнее задеть Алексея Ярова. Ты же уловила сходство?

– Ой, да… – Елена неверяще смотрела на экран ноута. – Да что же она наделала? Откуда она вообще всё это взяла?

– Лен, ты не о том спрашиваешь. Дочь у нас девушка взрослая, откуда и что – это уже не наше дело, а вот то, что картинки эти мне показал начальник службы безопасности концерна, да-да, Хантеров, вот это уже проблема!

– Хххантеров? – ахнула Елена. – А он как об этом узнал?

– Очень просто – охранники, которых прислали нашей доченьке, рассказали – она им продемонстрировала свои работы, которые собиралась показывать на выставке, да-да, эти самые, на которые ты смотришь, а потом они увидели Алексея, который облил картины растворителем! Связать факты было несложно…

– Так это Алексей ей угрожал? – возмутилась было Елена Сергеевна – как же, доченьке присылали угрозы!

– Просто требовал не выставлять эту гадость на мероприятии, где был весь их курс. Сама понимаешь… он вообще-то мог и в суд подать – за оскорбление! А уж то, что, если это случится и начнётся шумиха в прессе, я потеряю работу, это будет вообще вишенка на торт!

– Из-за Устиньи? – моментально притихла Фомина.

– Именно так! Я изложил ей всё это, но наша дочь заявила, что это не проблема – она, дескать, и без наших денег проживёт. Если честно, то насмотревшись на вот это, это, это и это, – Фомин расчётливо перелистывал самые возмутительные из рисунков, – я в этом не уверен! Я уж не говорю, что

это противозаконно!

Елена Сергеевна, как кролик, заворожённый удавом, уставилась на экран с выражением всё возрастающего омерзения на лице.

– Это… это надо остановить! Она и сама попадёт в беду, и нас утянет! Я… я даже не представляю, что сказали бы мне, если бы у меня на работе ЭТО увидели!

– Вот и я о чём! Милая, сама понимаешь, дочь у нас уже взрослая, в угол не поставить, остаётся только одно – иными методами показать, что она не права… Ты согласна? Или будешь тайком совать ей деньги, чтобы она продолжала малевать такую мерзость?

– Нет… – медленно протянула Елена Сергеевна. – Не буду. Это же ей ещё повезло, что она только Лёшу так изобразила. Он – парень порядочный и спокойный, а если бы это был кто-то другой?

– Тогда дело могло бы закончится несоизмеримо хуже, – невесело кивнул Фомин.

– Я… я не понимаю! Когда мы ошиблись? Где? Она же раньше никогда не сделала бы ничего такого!

– Родная, она уже взрослая. Невозможно все ошибки, которые делают подросшие дети, прикладывать к родителям, понимаешь? Вот твой брат, который свинтил в Индию познавать йогу и наплевал на ваших родных, а тебе одной пришлось и отца хоронить, и маму после этого лечить и из депрессии её вытягивать. Что? В этом они были виноваты?

– Нет, конечно… ты же сам понимаешь.

– Ещё бы! Более того, я же вас обоих – и тебя, и брата – с детства знаю. Так вот, я могу с полным на то основанием сказать, что твой брат – сам по себе заср… в смысле, человек, наплевавший на любящих отца и мать, потому что он решил, что они ему уже не нужны.

– А Устинья?

– Наша Устинья просто заигралась в великого художника – слишком много её хвалили в институте, вот дочь и понесло. Но, прости, что ты-то тут могла сделать? Тебе что говорили о её картинах, то ты и воспринимала. Ни я, ни ты не являемся художественными критиками и знатоками, верно? – Фомин вдохнул, дождался кивка жены и продолжил:

– Вот, то-то же! А ты уже власяницу на себя начала натягивать! Заканчивай это! – строго велел он. – Её мстительность для меня была полнейшей новостью, думаю, что для тебя тоже, а выбор орудия для этого – полнейшим шоком. Но ничему этому никто из нас дочь не учил. Зато… зато у нас ещё есть возможность поучить её кое-чему важному – реальной жизни, в которой её художественные таланты – дело десятое. А вот умение общаться с людьми, навык их слушать и слышать, умение работать и даже вкалывать – вот это важно и нужно. Так что? Собираем дочурку в самостоятельное плаванье в «далёких» Черёмушках?

– Собираем! – отважно кивнула Елена. – Ты прав, ей это нужно!

***

Если Устинья и думала, что мама отца переубедит и всё будет по-прежнему, она оказалась абсолютно неправа – к моменту её возвращения домой родители дружно объявили о том, что желают ей удачи в самостоятельной жизни и очень рекомендуют немедленно удалить все рискованные изображения, выложенные в сеть.

– Пока тебя не заблокировали… – намекнул отец. – Я проверю сегодня же!

Устинья гневно раздула ноздри, но, помня про их разговор, сдержалась. Она лихо снесла всё содержимое своей страницы, выложенное в закрытой группе, а потом принялась укладывать вещи.

– Ну и пожалуйста! Мне же лучше! Буду жить как нормальная свободная девушка – когда хочу, тогда и прихожу, с кем хочу, с тем и общаюсь!

Она зашла так далеко, что демонстративно перечислила на карту матери среднюю стоимость аренды двушки из своих личных сбережений.

– Я сняла у вас квартиру! – заявила она, гордо задрав подбородок.

– Не забудь о квартплате! – спокойно кивнул Фомин.

– Не забуду! – фыркнула Устинья, вытаскивая на лестничную клетку здоровенные чемоданы с вещами и коробки с художественными принадлежностями. – Всё, я уехала!

– Удачи, – прозвучал за её спиной дружный родительский

дуэт.

До квартиры она добралась на такси, а потом до глубокой ночи раскладывала вещи и планировала, что и как тут надо изменить:

– Шторы отвратительные, куплю новые! Сковородка… уй, какая тяжёлая. Чугунная что ли? Надо купить современную посуду, а не это убожество. Так… полотенца я забыла. А ну-ка, что тут есть? Ууу, старьё в аляповатые цветуи. Китч какой-то! Куплю новые!

Устинья была так захвачена идеей всё-всё в квартире поменять под свои нужды и запросы, что, недолго думая, уселась за ноутбук, прихваченный из дома – подарок родителей на прошлый день рождения, и принялась делать заказ.

– Так, посуда, шторы, полотенца, постельное бельё, что ещё? Заказала! Готово! – деньги списались с карточки, словно их корова языком слизнула.

– А ещё что я хотела? Точно! Матрас! Какой? Вот, этот крутой! – матрас последовал в корзину, а потом Устинья нажала «оплатить» и изумлённо уставилась на надпись «недостаточно средств на карте».

– Но матрас-то нужен! – сказала она ноуту. – У меня на том спина заболит!

Ноут скромно молчал…

– Ну ладно, заработаю и куплю! – отважно решила Устинья. – А пока спать… только я что-то голодная!

Продуктов в холодильнике и шкафах ожидаемо не было,

да и с чего бы? Сами-то они не появляются. Пришлось вместо сна тащиться в круглосуточный магазин и покупать себе еду.

– Н-да… – пригорюнилась Устинья, увидев остаток на карте.– Что-то мне казалось, что у меня денег больше! Ну не страшно, завтра же найду работу, сделаю и получу! А ещё выставлю несколько своих картин на продажу!

Картины она выставила сразу на несколько торговых площадок, но так как цены были установлены весьма неслабые, а имя художницы было не на слуху, почему-то очереди из покупателей не наблюдалось. Да ещё и майские праздники – не самый удачный момент для продажи высокохудожественных полотен.

– Ладно, тогда ищу заказы! – решила Устинья, утешая себя тем, что вот-вот покупатели и ценители её творчества повалят косяками.

В принципе, найти эту самую работу было несложно – Устинья позвонила своему знакомому, активно хвалившему её стиль, и тот скинул ей один из заказов на оформительские работы, с которым сам не успевал разобраться.

– С тебя пятнадцать процентов от суммы, – сообщил он Устинье. – Заказчик мой, так что постарайся сделать в лучшем виде!

Устинья созвонилась с заказчиком, выслушала его пожелания, а потом заявила, что всё это неправильно:

– Вы не понимаете… с точки зрения цветового реше-

ния, расстановки акцентов и художественной выразительности ваша идея абсолютно неверна! Я вижу всё это абсолютно иначе!

– А мне хочется так! – заявил какой-то узколобый тип, ничегошеньки не понимающий в искусстве. – Я деньги плачу не за то, чтобы вы там что-то видели, а за то, чтобы сделали так, как я сказал! Короче, делайте наброски и пришлёте мне.

Устинья хотела послать этого грубияна, но решила, что сумеет его переубедить – она же талантлива и искусна, ей и карты в руки.

Наброски она прислала, но вот реакция заказчика была абсолютно не та, на которую она рассчитывала:

– Девушка, вы что? Русский язык плохо понимаете? Мне вот это вот всё абсолютно не нужно! Я же вам дал техзадание!

– Да зачем мне ваше задание? Вы хотите настоящую работу, и я вам её даю!

– Оставьте её себе! Это не имеет ничего общего с тем, что я заказывал, а вы только время моё потратили!

Прерванный разговор и очень неприятные высказывания знакомого, поделившегося контактом заказчика, напрочь испортили настроение Устиньи.

– Ты что? С дуба рухнула? Да нафига ему твоё видение, если у него своё есть? Он хочет именно так и никак иначе!

– Да тебе же нравился мой стиль! – напомнила знакомому обиженная Устинья.

– А это тут при чём? Ну нравился, и что? И сейчас нравится. Только вот заказчик хотел совсем другое, а не то, что ты себе навоображала!

Устинья некоторое время сотрясала воздух высказываниями о внутреннем мире художника, но в ответ услышала:

– А заказчики не хотят смотреть в твой внутренний мир, они хотят увидеть свой заказ. Улавливаешь разницу? Ты эти свои закидоны брось до момента, пока не станешь маститой художницей! И тогда будешь интервью раздавать да рассказывать, чего ты там хотела сказать своей картиной, а когда работаешь за деньги, смотри на людей, которые тебе эти деньги готовы заплатить! Поняла?

Оскорблённая Устинья швырнула смартфон на диван, а потом сердито прищурилась:

– Ладно же… у меня как раз куча возмущений в группе. Спрашивают, почему я комикс удалила. А там тоже деньги капают! Будет им новый комикс!

Устинья умела делать выводы, поэтому ничего запретного в новых изображениях не было, просто новый герой был показан тупым, попадающим во всевозможные передряги, лысым и противным гоблином… Комикс сопровождался надписью о том, что история вымышленная и все совпадения случайны. От злости рисовалось быстро, производительность была на грани фантастики.

Так как никакой рискованной темы поднято не было, несколько первых страниц комикса располагались в общем

доступе, разве что новые картинки выходили в платном – пораньше. И вот эта всеобщая доступность и сыграла с Устиньей нехорошую шутку – знакомому прислали ссылочку на весьма узнаваемого персонажа…

– Тупая курица! Убери это! Убери, а не то пожалеешь! – прорычали в трубку.

***

Петровский предвкушал поездку к своим на дачу, смеялся над фото и видео, которые ему присылала жена, радовался тому, что и Маришка счастлива, и Настасья, как ни странно, на удивление довольна, и живность такая забавная.

– А я пока сижу с Бошиновым и Кузей… – вздыхал он, заглядывая в круглый аквариум.

И тут он припомнил о братьях Василия, из-за которых его напарник пока так и ночевал у него дома.

– Вась! Ваааась! А что у тебя там с братовьями-то твоими?

– Погоди, сейчас с дальней, но клёвой роднёй дообщаюсь, и всё расскажу! – посулил Бошинов, ухмыляясь. – Я своим крутым предпринимателям устраиваю небольшую бизнес-ловушку. Так сказать, для освобождения и меня и родителей от гнёта их «дай-дай-дай».

– А такое возможно? – осторожно уточнил Дмитрий.

– Я прикинул и решил, что да! По крайней мере, на некоторое время... они отвяжутся, а дальше, если что, будем повторять уроки…

Глава 11. Бизнес-план для рисковых бизнеснюков

Бошинов покосился на Кузю, который явно подслушивал, пожал плечами – кто бы знал, что это насекомое такое общительное – чуть что, сразу внимает говорящему, а потом принялся рассказывать:

– Мы же родом из Брянщины, у отца там куча родни, а среди этой родни есть одна феерична тётка – отцовская двоюродная сестра Галина. Несгибаемая тётушка, я тебе скажу! Я когда был маленький, как-то у неё два месяца жил – летом у родителей не было возможности со мной возиться, а в квартире ещё и ремонт начался, короче, отправили меня к тётке Гале.

– В деревню? – понимающе хмыкнул Петровский.

– Нет, круче – она живёт в лесу. Лесной хутор. Точнее, когда-то это была полноценная деревня, правда, очень небольшая и глубоко в лесу. Потом в семидесятые-восьмидесятые народ потянулся в город, дома поразваливались, их быстро затянуло порослью, короче, остался дом тётки и ещё двух семей.

– А она одинокая?

– Нет, что ты! У неё трое детей, все живут в ближайшей деревне, к тётке ездят постоянно, внуков возят, короче, она очень активно общается с роднёй, с соседями, с покупателями – она пасеку держит, плюс козы у неё, плюс корова, свиньи… короче, полна коробочка.

– А чем тётка настолько феерична? – заинтересовался Петровский.

– Помнишь слова о том, что «гвозди бы делать из этих людей»? Вот из неё какие-нибудь титановые заклёпки могли бы получиться – для космических аппаратов! Харрррактеррр! Она как-то с медведем встретилась, когда коз выгуливала. Нос к носу.

– И что? – осторожно уточнил Петровский, который знал, что очень многие такую встречу не пережили…

– Медведь, видать, голодный был, на козу ринулся, а тётка – на медведя… с топором и воплями. Топором она лапник рубила – козочкам. Говорит, что очень пригодился, потому что медведь сначала опешил, а потом драпать начал, когда она случайно сосну небольшую топориком смахнула. Видал я ту сосну – мне родичи фото показывали. Чесслово, я б сам от такой женщины бежал бы!

Примечание автора: так, как тётушка, делать ни в коем случае нельзя.

– А она?

– А она за ним в запале гналась! Да что ты ржёшь? Вон, таракана напугал, Кузя аж угол в круглом аквариуме искать начал!

– Это я от нервов, – оправдался Петровский. – Чего ты так на меня уставился?

– Не знал, что они у тебя есть! – хохотнул Бошинов. – Я потом у тётьГали спрашивал, мол, неужели она не знает, что в таких случаях надо бросать коз и потихонечку отступать – тут себя бы спасти.

– А она?

– А она сказала, что всё это знает, конечно – на пасеку-то мишки периодически приходят, она даже не особенно возражает – дело такое, хозяйское, тем более что у неё сложная система сигнализации, там до этого мёда добраться трудно! А вот козочек она сама вырастила, выкормила, и пошёл этот козёл, в смысле, медведь, куда подальше! Она за СВОИХ даже крокодилу пасть порвёт! В принципе, да, может, – серьёзно кивнул Бошинов, прикинув потенциал тётки.

– Весёлое же у тебя было в детстве лето, когда тебя к ней отправили.

– На самом деле – очень! Тётка – умница, про лес знает столько, что я до сих пор, если есть какой-то вопрос, ей звоню – ни разу не ошиблась. Правда, у неё есть один пунктик – бездельников на дух не переносит! Нет, отдых уважает – когда мой отец и мама к ней в отпуск приезжали, она их даже гонять могла, мол, сначала передохните от этой вашей суеты и работы, а потом впрягайтесь помогать. По детству я с ней очень поладил – мы с тёткой с козами повозимся, а потом в лес сходим. В огороде покопаемся, а потом – на рыбалку. Обед сготовим – потом и искупнуться можно. Она мне честно сказала, что я ей помогаю, а она потом нам продукты отправит, я и старался – хотелось родителям помочь. Так веришь, она отцу так машину нагрузила, что та аж осела. Короче, мировая тётка. Но вот когда человек по натуре бездельник… драпать ему от тётки Гали подальше да побыстрее!

– Так ты хочешь своих братьев к ней силком отправить? – догадался Петровский.

– Они же взрослые, как их силой-то… нет, в принципе, конечно, можно, – прищурился Василий. – Но потом визгу будет! Сам понимаешь, нарушение прав, похищение, насильственное в машину упихание… Хотя идея, конечно, неплохая, – вздохнул он.

– А как тогда?

– Сначала я позвонил тётьГале и обрисовал ситуацию. Родители-то их ни разу к Галине не привозили, да и старались особо в деталях не рассказывать, чтобы не позориться.

– И что она сказала?

– Много чего… причём, по-моему, могла бы и без телефона доораться. Потом я ей изложил бизнес-план действий, она внесла некоторые коррективы и сказала, что она с огромным нетерпением ждёт моих братовьёв для претворения в жизнь плана для наших рисковых бизнеснюков-бездельников!

– Так как ты их-то туда заманишь?

– Я ж тебе сказал – бизнес-планом! Я им пообещал, что возьму в концерне займ на их проект…

– Вась, ты что? – изумился Петровский.

– Да погоди пугаться! Займ я возьму, если они за три месяца в выбранной мною локации отобьют свои вложения в пятикратном размере – они же мне прибыль со своих торговых проектов в десятикратном размере обещали! А тут – пусть пять, но чтобы прибыль была обязательно и не меньше

оговорённой! Занятия любые из возможных в этой локации, – Бошинов рассмеялся. – Дополнительное условие – локацию без согласования со мной не покидать!

– То есть майнинг криптовалют отпадает? Торговля чем-то левым отпадает? Игра на бирже, судя по всему, тоже? – уточнил Петровский, просчитывая возможные идеи братцев.

– Всё так и есть! Ни одну из этих возможностей там осуществить будет нельзя – интернет там есть весьма точечно, например, в одном секретном месте – в доме у тётушки, у соседей кое-где тоже есть, но они предупреждены и даже не подумают этим деятелям помогать! Если братья попробуют куда-то смотаться – мне докладывают и договор разрывается.

– А если… в смысле, когда они не заработают оговорённую величину прибыли, тогда что?

– Тогда они обязуются год работать там, где я им скажу, или выплачивают мне огромный штраф! – довольно хмыкнул Бошинов.

– Ну ты и хитрец! – восхищённо присвистнул Петровский. – А кстати, почему они до сих пор-то не уехали?

– Так деньги ищут на первоначальные вложения, – лукаво сощурился Бошинов. – И уже уверены, что у них всё выгорит!

– А чем они там могут заниматься?

– Тётка предоставит им воистину безграничные возможности по фермерству, пчеловодству, рыбной ловле, лесным

заготовкам – пользуйтесь и не обляпайтесь!

– А не замутят они ничего этакого… например, могут подрядить местных собирать им лосиные рога или ягоды с грибами? – обеспокоился Петровский.

– Да каких местных-то? Там живут люди, тётку мою знающие, уважающие и опасающиеся, если что… короче, никто не рискнёт, поверь мне!

***

Через несколько дней Владимир и Виктор Бошиновы, наторговав необходимую с их точки зрения сумму, отправились навстречу самому своему необычному бизнес-проекту, а их старший брат наконец-то возвратился домой к родителям, уставшим от общения с младшими отпрысками.

Причём ни близнецы Бошиновы, ни Василий не сомневались в том, что победа будет на правой стороне.

– Сделаем мы ему эту прибыль! – посмеивались самоуверенные бизнесмены. – Получим с Васьки бабла и замутим такой проект!!!

– Ну-ну, поезжайте, ни в чём себе не отказывайте! – усмехался Василий, предупредивший тётушку о скором прибытии пока ещё незнакомых, но таких, право же, опрометчивых племянничков. – Скатертью дорога, и тётушка вас с нетерпением ждёт! И не только она, а широта и глубина нашей необъятной малой родины, её флора, фауна и всевозможные местные достопримечательности! Мог бы – прямо платочком помахал на прощание!

– Ленусь, можете возвращаться, – отзвонился он супруге. – Витька и Володька столько меня убеждали в том, что они супер-пупер бизнесмены, которые способны прибыль получить, даже торгуя снегом на Северном полюсе, что я их отправил к тётьГале – на проверку талантов. Да-да, к той самой… Она их прямо ждёт не дождётся!

***

С нетерпением ждала и Настасья Петровская – прямо часы считала до того мига, когда их семья сможет вернуть питомца «жениху» дочери.

– До чего я дошла! С трудом заставляю себя ехать с дачи! – размышляла Настя, увозя домой всё своё хозяйство – дочь и собаку с котёнком.

Да, наверное, можно было их пока там и оставить – мама-то всё равно там будет жить до конца октября, но Петровские решили, что это неразумно:

– Мама вряд ли сумеет приучить нашу парочку правильно себя вести, нормально жить в квартире, – говорила Настя.

– Да, скорее всего, это они её к чему-нибудь приучат… – соглашался Дмитрий. – И получим мы осенью такую шайку-лейку…

– Ужас что получим! Надо сейчас забирать, самим учить, а на выходных будем возить на дачу, ну, и когда в отпуск пойдём, тоже привезём, а так пусть с нами!

Как ни странно, Лешик воспринял квартиру абсолютно спокойно – когда-то же жил в городе, а вот Мусь долго удив-

лялась, выглядывала в окно, попробовала лапой сетки, но довольно скоро смирилась.

Зато не смирилась Настасья:

– И собака, и котёнок теперь имеются – но это же радость! Они забавные, славные, осмысленные такие. Да, учатся – вон, Мусь не сразу поняла, что такое лоток, но она маленькая ещё, пару раз ошибалась, зато сейчас безукоризненно ходит, куда нужно! Да, Лешик почему-то на даче ни в какую не шёл гулять по параллельной улице, тянул меня оттуда так, словно я баржа на Волге, а он – бурлак. Повизгивает, лапа болит, но тянет – наверное, там для него что-то страшное, ну и ладно, мы в другую сторону ходили. То есть, с обоими какое-то взаимодействие, притирка, но это интересно, неожиданно классно. А вот этот тараканище… фу-фу-фу какое! Даже притронуться не могу!

Она велела Дмитрию взять контейнер с Кузей и отвести дочь в детский сад самостоятельно.

– Я лучше с Лешиком погуляю! – сказала она.

– Эээ, может, лучше я с Лешиком выйду? – предложил Петровский.

– Нет уж, иди и относи сам этого Кузю – я не могу контейнер даже в руки взять – противно. Когда нам его отдали, его несла Маришка, но грузить этим ребёнка второй раз както нечестно! В конце концов, кто ЭТО разрешил?

И пришлось Петровскому брать контейнер, стеснительно заворачивать его в обёрточную бумагу и нести. А что поде-

лать? Кому сейчас легко?

Утро в детском садике всегда время хлопотное – кучка детей с родителями у входа, кто-то сонный, кто-то активный, кто-то не хочет в садик и ноет, что лучше дома, кто-то уже втянулся в коллектив настолько, что затеял игру, а кто-то… кто-то несёт себя как королева, загадочно посверкивая глазами и мило улыбаясь светловолосому детсадовскому «первому парню на деревне».

– Доброе утро, Саша! – небрежно произнесла Марина. – Мы принесли твоего Кузю, он у папы.

– Вот! – Петровский шустро достал из бумажного свёртка контейнер и вручил его слегка опешившей маме Саши. – Ваш Кузя жив-здоров, аппетит прекрасный, настроение бодрое!

Мама Саши растеряно взяла контейнер и тут же попыталась отдать его обратно:

– Да куда мне с ним сейчас? Возьмите его до вечера!

– Нет, извините. Вы попросили на праздники, мы подержали. Сейчас праздники уже закончились.

– Вот именно! Мне же на работу…

– Так и мне тоже. Хорошего вам дня! – лучезарно улыбнулся Петровский.

Он ни чуточки не сочувствовал особе, которая не подумала, как чужие люди должны управляться с её тараканом, потому что ей неудобно его брать после праздника.

– Мам, но ты же сейчас не работаешь! – Саша сдал маму

«с потрохами». – Тебе же только через несколько дней на работу надо.

Слегка покрасневшая Сашемама удалилась с контейнером и питомцем, а Сашка, с ходу приняв снисходительный вид, повернулся к Маринке.

– Ну как? Поиграла с Кузей? Понравилось? У меня его на праздники Анька просила, а я тебе отдал! – он явно пытался дать понять Маринке, что такое отношение и привилегии надо ценить изо всех сил!

Петровский мысленно посочувствовал неразумному ребёнку, пока не поднаторевшему в общении с девочками.

– Маришка ему это точно не спустит! – понял он.

– Это ты про таракана? – уточнила его дочь. – Вот и отдал бы его Аньке. Мне-то он зачем? Я его и не касалась – с ним папа оставался, а я на даче с мамой была. И теперь у меня есть большущая собака и маленький котёнок! – гордо заявила Маришка, с ходу поднимаясь на недосягаемую для окружающих высоту.

– Что? Да что ты врёшь-то всё! – с ходу оскорбился Саша. – Нет у тебя никого!

– Папочка, – ангельским голоском пропела Маришка. – А у тебя фотографии Лешика и Мусь есть?

– Есть, конечно, как не быть! – согласился Петровский, доставая смартфон.

– Чё? Это вот правда ваши собака и котёнок? – насупился Сашка.

– Правда.

– Ну… ну и что! Зато они эти… непородистые. Плохие. Мои мама и папа таких даже не подумают взять! – выпалил Сашка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.